

Наталья Бутырская

ИДЕАЛЬНЫЙ
ДОНОР

Наталья Викторовна Бутырская

Идеальный донор. Дворец

Серия «Идеальный донор», книга 7

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68285078

Аннотация

Несчётные века со времен катастрофы человеческий род отчаянно борется за жизнь. Сбиваясь в племена и кланы, постигая мир и образуя народы, рознясь по языкам и верованиям, созидавая империи и разоряя иноплеменников, люди стремятся к одному и тому же – к безопасности и власти, богатству и роскоши. Сердцем и домом для этих даров Небес в империи Коронованного Журавля стоит Императорский Дворец – яркий и величественный, сияющий и совершенно неприступный для любого неприятеля. Столетиями его стены служат символом непогрешимости и власти Императорской династии, дарованных самими Небесами. Лишь одного Небеса не могли простить и стерпеть – предательства людей, живущих под ними.

Укрывший смертельную правду о семихвостой лисице Сын Неба падёт в неравной битве. Руками верных соратников новый властитель безжалостно встряхнёт затихшую в смертельном ужасе полуживую Империю, разбрасывая приросших паразитов и возвращая людям надежду и смысл.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	43
Глава 4	62
Глава 5	81
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Наталья Бутырская

Идеальный донор. Дворец

Глава 1

Сквозь узорчатые окна мягко лился вечерний свет. В богато украшенной зале гуляли тени, но слуги не торопились к светильникам в виде диковинных зверей и цветов. Император не любил суеты. Он также не любил излишеств, потому кроме резного потолка, раскрашенного в цвета сумрачного неба, синего ковра с символическим изображением перьев, вышеупомянутых светильников и нескольких скамей, обитых бархатом и атласом, в зале ничего и не было.

Комната умственного отдохновения. В том числе и от роскоши.

На журавлино-длинных ногах залу мерил шагами сам император. Алый церемониальный халат стекал с его широких плеч до пят, скрывая юношески стройную фигуру, широкие до полу рукава взметались на поворотах и плавно оседали под собственной тяжестью. Тунтянь-гуань, тиара, достигающая неба, или небесная корона, подхваченная плотным ремешком под бородой, мерно покачивалась в такт.

«Еще два поворота», – подумала Ван Мэй.

«Один. Не больше», – подумала Цянь Жи.

«Когда уже?» — думал слуга за дверью, держа на вытянутых руках повседневный императорский халат из темно-желтого хлопка. Ткань заранее пропитали отварами и прогрели камнями, чтобы она стала мягкой, как шелк.

И, как всегда, это случилось неожиданно.

За несколько шагов до второго поворота император остановился, дернул широкий пояс и прорычал:

— Переодеться!

В залу влетели застоявшиеся слуги, едва заметными движениями стянули с императора пояс, перехватили тяжелый халат, накинули хлопковый и испарились. Присутствующие облегченно выдохнули.

— Другое дело, — повел плечами повелитель страны Коронованного Журавля. — Нет ничего приятнее хлопка. Да, Мэй?

Ван Мэй, глава министерства магических изысканий, согласно наклонила голову.

— Конечно, ваше императорское величество!

Под тяжестью расшитых золотом одеяний ее слабые ноги уже начали подрагивать. Ей было разрешено сидеть в присутствии императора специальным указом, и низенькая тахта так и манила к себе, но Ван Мэй несмотря на немощь никогда не позволяла себе сесть, пока ее господин стоял. Так она закаляла свою волю и не допускала лишних слухов.

Дверь распахнулась и, побрякивая серебряными подвесками на поясе, вошел начальник охраны дворца Цянь Ян.

Внешне он походил больше на ученого, чем на воина: узкое лицо, тонкие черты которого подчеркивались ухоженной бородкой, неширокие плечи, изысканные манеры. Кто слышал от него хоть одно ругательство?

Подчиненные Цянь Яна считали, что их командир таким образом компенсирует грубость своей жены, Цянь Жи. Ее пристального взгляда боялись не только служанки и евнухи. Даже бывалые воины вздрагивали, когда серые глаза Жи останавливались на них.

– Ваше императорское величество! – опустился на колени Цянь Ян. – Мастер предшествующих знаний прибыл.

– Ян, без церемоний. Впускай его. И пусть подадут чай! – нетерпеливо взмахнул рукой император и плюхнулся на скамью.

Ван Мэй, немного выждав, грациозно опустилась на свою тахту. Ноющую боль она скрыла за любезной улыбкой.

В залу влетел толстячок в синих одеждах. Невысоко же поднялся в рангах мастер! Его пухлые ручки едва-едва удерживали ворох свитков и книг. Он потешно поклонился, ожидая уронив часть поклажи. Мелькнула желтая тень. Не успел чиновник осознать свою оплошность, как Цянь Жи уже протягивала ему упавшие бумаги.

– Ваше императорское величество! Да продлятся ваши дни на десять тысяч лет! Да будет процветать Журавль под вашим мудрым правлением! – залепетал толстячок.

– А сейчас еще не процветает? – хлестнула серым взгля-

дом Цянь Жи.

Мастер предшествующих знаний тут же рухнул на колени. Свитки рассыпались по ковру.

– Этот необразованный не хотел оскорбить слух Святого и Возвышенного!

– Уко, не пугай его, – притопнул ногой император. – И где там чай?

Словно дожидаясь этих слов, в залу впорхнули служанки. Красный столик поставили перед императором, синий отнесли за неприметную ширму в конце комнаты, расставили подносы с чашками, чайничками, венчиками и сладостями и по знаку Цянь Яна так же беззвучно испарились.

Цянь Жи взяла на себя хлопоты по разливанью чая. Тем временем толстячок немного успокоился, сгреб бумаги в кучу и ожидал разрешения говорить.

Повелитель десяти тысяч лет шумно отхлебнул горячий напиток, по-простецки закинул пирожное в рот, вытянул длинные ноги и кивнул.

– К десятой годовщине победы над семихвостой лисой ты, Ши Хэй, должен был подготовить труд, описывающий доблесть народа, предательство Павшего и чудеса Небес в тот сложный период, – сказала тихо Ван Мэй, но каждое слово, как льдинка, четко отпечатывалось в головах присутствующих.

– Этот недостойный трудился все десять лет, собирал знания по крупичкам, вел беседы с очевидцами, протер рукава

на всех одеждах...

– Мы все очевидцы, – буркнула Цянь Жи, и чиновник вжал голову в плечи. – Читай уже.

– С позволения Сына Неба этот подчиненный начнет...

Ши Хэй перебрал несколько свитков, вытащил нужный, развернул.

«На третий год под девизом правления „Справедливая Добродетель“, на прием к великомудрому императору Чжи Гун-ди явился высокочтимый господин и родственник Кун Веймин. Кун Веймин трижды пал на колени и девять раз коснулся головой пола, выражая свое почтение великомудрому императору...»

– Да-да, пал, коснулся, отклонялся, перечислил все титулы, пожелал десять тысяч лет здоровья и мира в землях Коронованного Журавля. Хватит! – рявкнул в нетерпении нынешний император. – Если в этих свитках перечислены все дворцовые церемонии, то лучше сожги их!

Цянь Жи громко хмыкнула. Из-за ширмы в углу донесся еле слышный вздох.

– Прошу ниспослать прощение ничтожному червю, о Премудрый Правитель! – залепетал Ши Хэй, но его снова прервали.

– Читай! Но без церемониала.

«Кун Веймин испросил высочайшее разрешение, чтобы открыть новую академию в Киньяне. Великомудрый император рассмеялся:

– Зачем еще одна академия? Есть императорский университет, где готовят разных служек, есть Академия Боевых искусств, есть гильдии. Чему хочешь учить ты?

– Каждый раз, когда я прихожу в Императорский дворец, вижу одни и те же лица. Из года в год. Эти же чиновники служили и достопочтенному предку императора. Эти же или их отцы.

– Верно-верно, – улыбаясь, закивал великомудрый Гун-ди. – Их семьи поколениями доказывали преданность мне и стране.

– И поколениями не покидали Киньян. Они не знают ничего о жизни за его оградой, не видели городов и деревень, не ездили по дорогам, не маршировали с армией. Я думаю, что им нужны умные помощники, которые бы знали законы, страну и умели бы выражать мысли красиво и правильно. Именно таких помощников я и хочу готовить в новой академии.

– Веймин-Веймин, – покачал головой Гун-ди. – Я давно предлагаю тебе место в высшем совете, но ты все отказываешься, рискуя навлечь на себя мой гнев.

Господин Кун склонил голову:

– Мой слабый голос потерялся бы среди громких голосов сих уважаемых чиновников. Я принесу большие пользы, возглавив академию.

– Значит, академия для чиновников. Хорошо. Я даю тебе высочайшее разрешение. Может, даже отправлю одного из сыновей к тебе на обучение, – мягко улыбнулся Гун-ди.

В течение месяца указ был написан, и император собственноручно поставил на нем печать».

Внимательно слушавший правитель вдруг вскочил и дважды обошел комнату по кругу. Вздрыгнул только мастер предшествующих знаний, остальные давно привыкли к подобным выходкам императора.

Сын Неба пощелкал пальцами, досадливо хмыкнул и грубо сказал:

– Ты... Как тебя?

– Жалкое имя ничтожнейшего из ваших подданных – Ши Хей, – склонил голову толстяк.

– В другой раз просто назови имя, без всяких там «жалких и ничтожных». Так, Ши Хей, почему ты решил начать именно с этого момента?

Чиновник стек вниз, коснулся лбом пола и пролепетал:

– Если будет уго... угодно, я все переделаю. Все перепишу.

– Ян! – раздраженно выкрикнул император.

Цянь Ян подошел к раскисшему Ши Хею, осторожно поднял его, отвел в сторону и тихо сказал:

– Не проси прощения. Не лепечи. Не додумывай за императора. Просто отвечай на вопросы. Он любит, когда с ним говорят честно, прямо и коротко, без лишних церемоний. Понял? Ты десять лет работал над этими свитками, собрал много сведений, сидел в архивах, разговаривал с людьми. Защищай свою работу! Сражайся!

Мастер перестал дрожать, сумел выдавить жалкое подобие улыбки и кивнуть.

Тем временем император выпрашивал у Ван Мэй, почему на эту работу был назначен посторонний человек, а не выходец из Син Шидай.

– Потому что, ваше императорское величество, ученикам Син Шидай и так было чем заняться. К тому же, мы все согласились, что лучше выбрать стороннего наблюдателя. Для большей объективности.

– О Премудрый Правитель, – громко и четко заговорил Ши Хэй. – Каждая история должна иметь начало и конец. Я мог бы начать с распада империи Священных животных, с восшествия на престол императора Чжи Гун-ди или с известия о появлении семихвостой лисы, но на мой ничт... на мой взгляд, восстание Кун Веймина и сражение за Киньян тесно связаны, а восстание началось именно с этого разговора.

– А он прав, – заметила Цянь Джи. – Вот только если он сейчас затянет про постройку стен, подбор учителей и первых учеников, то я лучше пойду тренироваться.

Ши Хэй отложил свиток в сторону, вытащил из стопки другой, тоже отложил, схватился за третий... Император смотрел на его действия со все большим раздражением, затем не выдержал и сказал:

– На сегодня достаточно. К следующему разу подготовься получше. Возьми только нужные свитки. Составь план. Чем

ты вообще занимался десять лет?

Мастер предшествующих знаний схватил свитки в охапку, хотел было поклониться, но понял, что в этом случае его труды снова рассыпятся, а это еще больше разозлит правителя, потому склонил голову, попятился к выходу и скрылся за дверью.

Цянь Жи громко рассмеялась, не сдерживая голоса.

– Ну, Тедань, ты снова за свое? Опять куда-то торопишься? – сказала она, отсмеявшись. – Можно было и подождать пару минут.

Император передернул плечами:

– Он тут бы еще в обморок упал... Столько ненужных действий!

– Но я же специально выделила время на беседу с ним. А теперь что будешь делать?

– А сколько еще осталось? – прищурил глаз правитель.

– Чайника три можно неторопливо распить.

– Тогда я наведуясь в Дворец Орхидей.

И император, как был в хлопковом домашнем халате и громоздкой тиаре, вылетел из комнаты.

Ван Мэй тяжело поднялась на ноги, окружила себя заклинанием и сказала:

– Он все еще бежит к той наложнице? Как ее там?

– Ароматная чего-то там, – ответила Цянь Жи. – Ароматная и добрая. Или мудрая. Ничего, скоро и она надоест. Как только возомнит о себе, так сразу и надоест.

В дальнем конце комнаты стукнула дверца.

– Я снова забыла про императрицу, – вздохнула Мэй. – И чего ей только вздумалось прийти?

– А что ей еще делать? Сын с няньками, муж бежит по всему городу, даром что уже мог бы и успокоиться, наложниц раз-два и обчелся, евнухов толком нет. Управлять некем и незачем, к политике ее не подпускают. Я предлагала поучиться стрельбе из лука. Она отказалась, мол, не хочет мозолей.

Цянь Ян рассмеялся:

– Уко! Ты думала, что она согласится запылить свои наряды? Как ты вообще осмелилась заговорить с ней?

– Вообще-то я думала, что она будет рада занять себя хоть чем-то. И почему я должна была бы не осмелиться? Я свободный человек.

– Ты женщина во дворце императора! Причем женщина, тело которой не принадлежит ему. Как и Мэй, как и остальные из Син Шидай. А такого не должно быть. Не было в ее стране. Потому она воспринимает тебя как соперницу.

Цянь Жи, не стесняясь, подошла к мужу, провела ладонью по его щеке.

– На мой взгляд, Тедань неплох как император, но быть его женой я бы не хотела.

– За такие слова тебя следовало бы высечь, – отметила Ван Мэй. – Он нас разбаловал.

– Вот поэтому ты и не стала императором, – хмыкнула

Цянь Джи.

– А также потому что я женщина, не могу иметь детей и устаю, сделав несколько шагов. И почему вы еще здесь? Разве ваше место не подле императора?

Чета Цянь покинула комнату умственного отдохновения, а Мэй снова опустилась на скамью и в очередной раз задумалась об изменениях в дворцовом этикете.

* * *

Когда ученики Син Шидай совместно решили поставить Теданя на место императора, то думали о нем скорее как о декоративной фигуре.

– Ни у кого из нас нет такого таланта и таких знаний, как у Кун Веймина. С этим все согласны? Ни один не достоин занять трон императора, но кто-то на нем сидеть должен! – сказала тогда Мэй.

Ее платье было в пепле и влажных потеках, на лице подсыхали брызги чужой крови, а руки все еще подрагивали после использования мощных заклинаний. Из постоянно поддерживающихся заклинаний осталось лишь одно – простенький щит. Она даже не осознавала, как возобновляла его действие.

– Да во имя Небес! – воскликнула Ци Юминг. – Тело учителя Кун еще не остыло! Как ты можешь?

– Могу! И ты сможешь! Если мы в ближайшее время не

посадим кого-то на трон, то все старания учителя Кун пропадут даром.

– Может, спросить совета у Ясной Мудрости? – предложил парень третьего года.

– Нет! – отрезала Уко. – Мэй права. Нам решать.

От ее воспаленного взгляда многие потупились. Охранное заклинание оставило на ней красную обожженную полосу через все лицо, часть волос на лбу выгорела вместе с бровями и ресницами, но над ней уже несколько лет никто не осмеливался смеяться.

– Из благородных родов брать нельзя, – заметил Ян из клана Цянь. – Его семья заберет слишком много влияния, хотим мы того или нет.

– И это должен быть мужчина, – добавила Уко.

– А нельзя взять самого младшего сына императора и посадить его на трон? – предложил Ши Да, лучший начертатель в Академии, если не считать Ци Юминг.

– Если бы учитель Кун хотел так сделать, он бы так и сказал. Но он говорил о смене династии! – огрызнулась Мэй. Она устала. Скоро начнется магический откат после пропускания через себя такого объема Ки. Пальцы на руках и ногах уже начали неметь.

– Я готов! – вдруг заявил Тедань.

– Что?

– Я стану императором. За мной нет никого, кроме Академии и вас, я много говорил с учителем Куном, умею читать

и писать, и я определенно мужчина.

Благородная осанка, крупный породистый нос, тугой пучок волос на макушке, потрепанный, но все еще целый халат.

Как он вообще выжил в этой мясорубке? На Теданя пришлось больше половины всех защитных заклинаний дворца. Без него они вряд ли бы прорвались через многочисленные массивы, опоясывающие пространство внутри ограда.

Мэй смотрела на друга и понимала, что он лучший кандидат на престол. Хотя Тедань давно не произносил свою знаменитую фразу о том, что он покорит Небеса, ученики Академии еще помнили об этом. Он был личным учеником Кун Веймина и обладателем уникального дара. На него невозможно воздействовать магически, и если его дар передастся детям, это принесет пользу всей стране.

Первым опомнился Цянь Ян. Он опустился на колени и положил меч к ногам Теданя. Тот дернулся было поднять друга, но Мэй остановила его.

– Привыкай. Император всегда видит лишь склоненные головы.

Один за другим ученики Син Шидай падали на колени и складывали оружие перед будущим императором. Мэй не спускала с Теданя глаз: не испугается ли? не струсит ли? выдержит ли груз, который не должен был пасть на его плечи?

Спустя месяцы после восхождения Теданя на императорский трон Мэй спрашивала у тех, кто присутствовал при этом разговоре, почему они согласились с первым же вари-

антом. И оказалось, что никто не воспринимал Теданя всерьез. Его все еще помнили как грубого крестьянина с синими всклокоченными волосами, который не умеет ни читать, ни писать. Помнили, как он сдуру разрушил защитный массив на стене Академии. Помнили, что он не способен использовать магию. За ним на самом деле не было ничего, кроме Академии, а значит, он не сможет узурпировать трон и всегда будет зависеть от учеников Син Шидай.

– Император обычно заперт в своем дворце и не имеет свободы поступать, как хочет, – в один голос сказали ребята.

Словом, все видели императора как человека, который может лишь ставить печать на указах да восседать на троне в пышных одеждах.

И как же сильно они ошиблись!

Не успел Тедань примерить тунтянь-гуань и привыкнуть к новому имени, как с головой окунулся в подготовку страны к приходу семихвостой. Он не подписывал бумаги, а раздавал указания, назначал встречи, сам врывался в дома знати, мотался по всему Киньяну с жалкой полусотней охраны вместо положенных семисот. Цянь Ян, которого поставили главой охраны дворца, тогда научился жить, засыпая на несколько минут каждый час, заработал несварение и седую прядь. Уко исхудала и утратила весь культурный лоск, который приобрела в Академии, она огрызалась на каждого, кто подходил к императору слишком близко, била кнутом без предупреждения, шипела, не разбирая ни знатности, ни важности. И

именно она предотвратила с десятков покушений на Теданя. В Киньяне ее запомнили под прозвищем «Бешеная сука».

После победы над лисой Тедань не успокоился. Надо было восстанавливать страну. Да, пострадал от нападения только Киньян, но из-за трусливой политики предыдущего императора в остальных городах царили разруха и беспредел. Чиновники и знать бежали из страны, власть с провинциях была захвачена. В городах не хватало еды. Налог на Ки вырос на местах в два раза, но в столицу не доходил ни один кристалл.

Тедань тогда словно вычеркнул из своего расписания сон и еду. Он облетел все города с несколькими лишь соратниками, среди которых была и Мэй. Он казнил, он говорил речи, он назначал новых чиновников и к каждому приставлял выходца из Син Шидай. Не все из них пережили первый год.

Даже лиса не отняла столько учеников Кун Веймина, сколько первые годы правления императора Ли Ху.

Он летал и в соседние страны, нарушая правила и игнорируя этикет.

– Кто будет относиться к тебе серьезно, если ты ведешь себя как обнаглевший мальчишка? – возмущалась Мэй. – Для этого есть послы! Армия! Маги! Мы, в конце концов. Ты свою опочивальню когда в последний раз видел?

– Да пусть смеются! Пусть поучают глупого юнца. Пусть осуждают. Как бы я себя не вел, они все равно видят во мне лишь убийцу императора. Мятежника. Но они мне должны!

Должны за то, что приняли наших перебежчиков с их золотом и драгоценностями. Должны за то, что мы остановили лису и не допустили до их столиц. Должны за то, что...

И он внимательно выслушивал советников, заучивал наизусть имена, титулы, привычки, а потом врывался в нефритовые и яшмовые залы, отпускал простонародные шуточки, громко отхлебывал чай из фарфоровых крошечных чашечек, в сотый раз рассказывал о битве с семихвостой лисой, как бы невзначай упоминал о собственном уникальном даре. Мэй показательно кидала в него заклинания, потом местные маги устраивали ему проверку. Балаган!

Но из каждой такой встречи Тедань выжимал все, что мог, и в сроки, сравнимые с чудом. А из страны Красноголового Феникса он и вовсе привез жену, белокожую и утонченную даму из императорской семьи.

Свадьбу сыграли быстро. Потом про жену и дворец как-то подзабыли, решая многочисленные проблемы, которые так и сыпались одна за другой.

Лишь на третий год правления под девизом «Строгий Взгляд» император Ли Ху обратил внимание на свой дом. Мэй тогда слегла от переутомления и две недели не появлялась во дворце. Вернувшись, она застала странную картину. Вся площадь перед дворцом была заполнена безусыми и безбородыми мужчинами в дорогих одеждах. Они стояли на коленях, некоторые распростерлись ниц, другие бились головами о каменную мостовую, и все взывали к милости им-

ператора. Евнухи!

– Мэй! Ты вернулась! – приветствовал ее Тедань.

Как обычно, он находился не на троне в Зале Верховной гармонии или Зале Сохранения гармонии, а на улице, в любимом дорожном платье и сапогах, возвышаясь на голову над своим окружением. Рядом кланялись еще несколько евнухов и все пытались что-то ему донести, но император Ли Ху легко раздвинул их одной рукой, мимоходом уничтожив магические щиты, и подошел к Мэй.

– Представляешь, пока я, как бесталанный нищий, вымываю крохи денег у разномастных императоров, в моем собственном доме живут настоящие богатеи! Их всех кормлю, оказывается, я, пою я, одеваю тоже я. А знаешь, за что?

– За что? – бледно улыбнулась Мэй.

– За то, чтобы они меня поучали, как жить!

Поодаль виднелась тоненькая и роскошно разодетая фигурка императрицы в окружении двадцати-тридцати девушек.

– Вот ты! – и Тедань ткнул в первого попавшегося евнуха. – Что делал ты?

Бедолага склонился ниже, спрятав кисти рук в глубокие рукава.

– Этот раб из третьего церемониального ведомства, отвечает за музыкальное сопровождение радостных церемоний. В моем подчинении музыканты дворца, всего сто двадцать человек.

– Вот! Вот! Слышишь? – Тедань чуть не запрыгал от восторга. – Всего один ответ, а сколько тут всего. У меня есть церемониальное ведомство. У меня есть евнух, который отвечает за радостные церемонии, а значит, есть еще и грустные, и печальные, и сердитые и еще Пропасть знает какие. Причем он отвечает только за музыку, а есть еще такие же, кто ответственны за танцы, песни, еду, одежду и цветы на этих церемониях. А еще у меня есть сто двадцать бездельников, которые играют на этих церемониях.

– Ты же знал про ведомство, – буркнула Мэй. – Мы это учили.

– А ты знаешь, сколько у меня евнухов? Нет! Ты знаешь, что у меня есть целая тысяча наложниц? Все девственницы-красавицы, у каждой есть служанка или даже не одна, отдельная комната, наряды, цветы, украшения.

И тут Тедань перешел даже не на крик, а на рев взбешенного быка:

– И все это когда полстраны живет впроголодь! А я, как полнейший идиот, бегаю по Киньяну и ищу, откуда взять деньги на строительство нормальных дорог!

– О тысячелетний властелин! – евнухи попадали на колени, как подкошенные. – Все это достойные девушки из достойных семей. Вы не можете оскорбить их семьи отказом!

– Я не могу? – взбеленился Тедань. – Я не могу? Свергнуть династию – могу! Убить семихвостую лису – могу! Родиться в семье овцеводов и сесть на трон – могу! А обидеть

знатных уродов, которые сбежали из собственной страны – не могу?

Мэй дотронулась до виска. Ее голова снова дико разболелась.

– Эй, Сын Неба! – грубовато позвала Уко. – Всех выгнать или несколько штук оставить?

– Кого? – недопонял Тедань.

– Наложниц. Тебе одной жены будет достаточно или еще парочку на всякий случай оставить?

Он оглянулся на императрицу, глубоко вдохнул, насильно подавил гнев и ответил уже спокойно:

– Штук пять оставь. Все равно кого. Выбери которые познатнее. Остальных вернуть в семьи, но только с тем имуществом, с которым пришли. Уверен, у одного из этих бездельников есть точные списки. И евнухов выкинь тоже. Оставь только тех, без кого совсем все развалится. Каждому разрешить взять только те вещи, которые уместятся в руках.

– Я так целый год буду заниматься только евнухами, – ответила Уко.

– Ты разберешься.

И Уко разобралась. Она собрала имена всех евнухов, вычеркнула всех, кто ниже определенного ранга, затем вызывала оставшихся по одному, просила сказать, чем конкретно он занят, кого, кроме него, следует оставить во дворце и почему. Затем выбрала тех, про кого чаще всего говорили как про незаменимых, остальных выгнала.

Двести томов Уложения о церемониях, где был подробно прописан весь быт императора, принцев и гарема, отнесли в исторический архив. Не сожгли лишь из-за учителя Куна, который всегда был против уничтожения книг.

– Пусть мои потомки прочитают его и порадуются, что им не пришлось соблюдать сотни предписаний, – только и сказал Тедань.

Глава 2

За дверью слышались поспешные шаги. Тишина. Слуга распахнул створку, и в комнату умственного отдохновения ворвалась Цянь Жи. Взгляды всех присутствующих обратились к ней и с легким разочарованием снова разбежались по сторонам.

Император еще не пришел.

Строгая и холодная Мэй постукивала по ладони поясной подвеской, в которой мягко светился голубоватый кристалл на двести Ки. Цянь Ян сидел на скамье, вытянув ноги и чему-то улыбаясь. Ци Юминг, дворцовый начертатель и экспериментатор, сощутив глаза, рассматривала невидимые узоры на стенах, скорее всего, думала, нельзя ли добавить что-то еще для большой надежности. Ее работа порой выглядела как таскание воды в решете. Стоило императору случайно коснуться массивов, как они расползались и таяли. Великий муж ведающий Ки, тоже один из учеников Син Шидай, одно время даже отказывался выдавать Ки дворцовым начертателям, мол, зачем бездарно переводить энергию? Лучше потратить ее на постройку еще одного караванного перехода.

Ши Хэй тоже был здесь. На этот раз он благоразумно устроился за низеньким столиком, на котором в выверенном порядке уложил свитки. Сегодня он намеревался поразить Сына Неба своим литературным и историческим талантом.

Негромко стукнула дверка в дальнем конце комнаты. Прошелестели юбки. Еле слышный шепот. Снова пожаловала императрица с наперсницами, чтобы послушать речи мастера предшествующих знаний.

И только император где-то разгуливал. Опять, наверное, во дворце Орхидей застрял, у своей наложницы Чунтао, весенний персик. Ароматная – это предыдущая любимица, нынче глубоко беременная.

Императорский гарем недолго состоял из пяти наложниц. Спустя пару месяцев Ли Ху позвал к себе Цянь Жи и, смущаясь, сказал, что надо бы добавить девушек. Хотя бы еще пять, а лучше десять, так как эти все переутомились и захворали, а императрица и вовсе затяжелела.

Тедань всегда был любвеобилен. Еще в Академии на практиках он всегда умудрялся найти себе подружку, и неважно, была то простая крестьянка с невымытыми пятками или городская куртизанка, умеющая исполнять пять танцев и сочинять семисловные стихи. При этом его притязания никогда не распространялись на девушек Академии. Уко не понимала, как это он так умел, но за годы совместного обучения она ни разу не видела в его глазах похоти или желания. Он искренне восхищался знаниями учениц, мог похвалить прическу и тут же отметить удачное сочинение.

Во дворце император нарушал все предписанные гаремные правила. Он отказывался ждать, пока выбранную наложницу разденут, отмоют в ароматных водах, умастят ее тело

маслами, наложат правильный грим, завернут в тончайшие покрывала и отнесут к нему в покои. Нет, он сам, когда взду-мается, приходил в комнату девушки, развлекался там, уго-щался и в тех же одеждах убегал на встречи с министрами. Бедные наложницы вынуждены каждый день и каждую ми-нуту быть в полной готовности, чистыми, украшенными и увешанными драгоценностями. Неудивительно, что они так быстро утомились и захворали.

Императрице пришлось не легче. Тедань почему-то вы-смеял традиционное представление о том, что особе высо-кого происхождения легче забеременеть, и потому ложиться с императрицей можно не чаще раза в месяц.

– Может, оно и так, – говорил он. – Но я-то низкого про-исхождения, а значит, должен трудиться над продолжением рода как истинный крестьянин: каждый день без передыху вспахивать поле, пока оно не заколосится.

К счастью, императрица понесла быстро, и царственный супруг перешел на другие поля.

Традиционно все женщины во дворце считались соб-ственностью императора, но Тедань ни разу не оскорбил ни одну ученицу Академии даже намеком. Он обращался с ни-ми так же уважительно, как и с мужчинами-министрами, по-тому дворцовые слуги и чиновники не осмеливались возра-жать против вовлечения женщин в политические дела.

Уко встряхнула головой, но ни одна прядка не выбилась из высокой накрепко уложенной прически.

Забавно сложилось все же. Парни-выпускники Академии разлетелись по всей стране. Кто-то стал наместником императора в отдаленном городе, кто-то проверял учебные заведения и выстраивал новые программы, кто-то отыскивал в армии толковых ребят и натаскивал их на боевую магию. А девушек не воспринимали в провинциях иначе, чем годный вариант для женитьбы. Все же соученицы самого императора! Почти что родственные связи с правящей семьей! И после нескольких неудачных случаев, когда Уко лично пришлось прилететь и вбить плетью почтительность в желающих породниться с императором, все девушки осели в столице.

Большинство занимались Академией и новыми учениками. Цянь Джи знала, что отсев в первые годы из-за неуважительного отношения к учителям составлял чуть ли не пятьдесят процентов. Но вот Мэй стала главой министерства магических изысканий, и после сражения с семихвостой никто не осмеливался оспорить ее назначение. Ци Юминг отвечала за начертательную защиту дворца. А сама Уко вроде как числилась личным охранником императорской особы, но Тедань часто давал ей задания, далеко выходящие за рамки ее полномочий. Взять тот же набор в гарем!

Прежде подобными делами занималось целое церемониальное ведомство, то бишь десятки и сотни евнухов, через чьи руки проходили несметные деньги. Тут были и взятки ле-тунами и поместьями, и изрядная часть казны, которая тратилась на наряды и украшения дворцов наложниц, и подку-

пы со стороны самих наложниц ради подсовывания таблички с ее именем императору.

После выкидывания евнухов и роспуска почти всех церемониальных ведомств Цянь Джи предотвратила десятки покушений на Теданя. Во дворце остались слуги, некоторые евнухи, охранники, и не все они оказались преданы новому императору. Были попытки отравить еду, подослать в спальню ядовитых животных, во дворец проникали наемные убийцы-маги и не маги, однажды даже пропитали ядом любимый хлопковый халат императора. Может, именно тогда Уко перестала доверять тем, кто не прошел Академию Син Шидай?

Если бы не муж, Уко бы не сумела пережить первые годы правления Ли Ху. И в благодарность она подобрала для Цянь Яна вторую жену, мягкую, добрую, послушную. Впрочем, ей самой понравилось после бесконечно длинной службы во дворце возвращаться домой, где вместо бестолковой прислуги ее встречала Нуо с ласковой улыбкой и ароматной чашкой чая. А уж когда Нуо родила очаровательную пухлощекую девочку, Уко обрадовалась не меньше мужа и засыпала ее подарками.

Спустя несколько месяцев вторая жена возомнила себя первой, мол, ребенок родился у нее, а значит, ей и командовать в доме. Глупая Нуо даже не задумалась над тем, что Уко не просто так стала личным стражем императора. Хватило одного удара плетью, чтобы напомнить второй жене ее место.

В комнату умственного отдохновения вошел император Ли Ху в тяжелом парчовом халате, расшитом танцующими журавлями, длинные рукава почти касались пола, позвякивали бусины на тунтянь-гуань. Серьезный, с насупленными бровями и гордо выступающим носом, он выглядел как истинный правитель, который с утра до ночи думает лишь о благе народа. Лишь еле заметный цветочный запах выдавал, что император пришел не со встречи с министрами, а от наложницы.

– Так, мастер предшествующих знаний уже здесь! – выпалил Тедань. – Отлично! Надеюсь, сегодня ты сумеешь поведать нам побольше! И где мой халат?

Цянь Жи бросила быстрый взгляд на Мэй и успела заметить, как та закатила глаза.

Министр магических изысканий родилась в знатной семье, и с каждым годом она придавала церемониям и правилам все большее значение. Сейчас даже представить было сложно, что некогда она делила крышу с двумя мужчинами-простолюдинами.

Влетели слуги, вмиг переоблачили императора в потрепанный хлопковый халат, затем впорхнули служанки и поставили чашки с блюдцами.

Ши Хей не стал дожидаться разрешения заговорить, развернул правый свиток и начал читать.

«На восьмой год под девизом правления „Справедливая Добродетель“ случилось сразу два значимых события, каж-

дому из них суждено было сотрясти страну Коронованного Журавля до основания. Уж не сами ли Небеса намекали нам, жалким смертным, о грядущих изменениях? Но ни один астролог не смог предсказать их, ни один ученый.

Первое из событий – это весть, принесенная одним из дальних патрулей с окраин Киньяна. Весть о появлении семихвостой лисы...»

Мэй удивленно приподняла бровь и уточнила:

– О лисе узнали на восьмой год «Справедливой Добродетели»?

– Так и было, уважаемая госпожа Ван, – склонил голову Ши Хэй.

– На восьмой год... – она быстро посчитала в уме, – значит, за семь лет до ее прихода. Так почему же...

– А вот об этом нам и поведает мастер Ши, – мягко оборвал ее Тедань.

Ши Хэй продолжил:

«Весть о появлении семихвостой лисы долетела до императора Чжи Гун-ди за два дня, но помимо патрульных о лисе узнали и другие люди: генерал-командующий Северной армией и несколько его подчиненных, глава охраны дворца и его подчиненные, три-четыре евнуха. А после император созвал трех министров и сообщил им о грядущей катастрофе. И они в один голос заявили, что важнее всего не допустить паники в стране, а потому нужно скрыть сведения о лисе.

Патруль расформировали в тот же день, обычных вои-

нов перекинули в отдаленные военные части, командира в уличной драке убил подвыпивший гончар.

Я, Ши Хэй, не нашел доказательств преднамеренного убийства, по документам следователя все выглядит гладко: есть свидетели, есть чистосердечное признание гончара, есть труп с ножом в груди. Но, на мой взгляд, есть и несостыковки. Например, необученный человек не сможет с нужной силой воткнуть нож между ребер так, чтобы попасть в сердце. Ладно бы это был мясник, но гончар? К тому же командир патруля по слухам был очень опытным воином, всегда был наготове, десять лет службы в лесах приучили его к осторожности.

Еще одно. Обычно после тяжелого преступления наказывают не только убийцу, но и главу квартала, чиновника, который отвечает за этот район, главу гильдии, да и семью преступника приходится нелегко: родителей порицают, детей могут отнять, а жену сослать. Здесь же, несмотря на смерть государственного человека, никто не пострадал. Соседи гончара не озлобились на его семью, напротив, поддерживали его родителей, помогали детям».

– Ты провел целое расследование ради такой мелочи? – спросила Цянь Жи.

– Жизнь двух людей – это не мелочь, – возразил Ши Хэй.

– Приход семихвостой грозил гибелью тысячам, а ты ковырялся в столь незначительном деле...

– Уко, не мешай. Я вот не слышал о патруле. Кун Веймин

рассказал лишь о том, что император скрывал весть о лисе, – вмешался Тедань.

Он слушал с нескрываемым любопытством, забыв про остывающий чай.

«Я также проследил за судьбами остальных патрульных. Все они погибли в течение месяца, все смерти на вид случайны. Но два воина сумели скрыться. Некий старик Хи сумел прибиться к торговому каравану и ушел из Киньяна в южные земли. Там он поселился в небольшой деревеньке, через два года стал старостой и приказал запасать как можно больше зерна. Когда нападение лисы отбили, он с большой выгодой продал зерно продуктовым караванам вашего императорского величества.

Второй патрульный, из семьи Пэн, вовсе пропал. Я обнаружил его след лишь недавно, через его старшего брата, и это заставило меня взглянуть на ход истории иначе. Сам Пэн Вей погиб во время отражения волны животных, но его брат Пэн Ли выжил и рассказал мне, что именно Пэн Вей сообщил генералу восставшей армии Чжэнь Зеншюэну о приходе лисы. Возможно, генерал Чжэнь, зная о семихвостой, разозлился на бездействие императора Чжи Гун-ди и поэтому переметнулся на сторону Кун Веймина».

– Неа, – заявила Цянь Жи. – Генерал Чжэнь еще до того примкнул к Кун Веймину, иначе зачем бы ему отправлять своего сына в Академию Син Шидай учителем? А Командующий появился в Академии раньше, чем был тот патруль.

Ну или одновременно.

Ши Хэй покраснел от стыда и гнева. Он не раз и не два просил аудиенции у выпускников Син Шидай, чтобы обсудить с ними события прошлого, но те отказывались. И к Цянь Джи он тоже приходил, даже навещался к ней домой, но она всегда была занята. А теперь она унижала его перед лицом императора. Какой позор! Говорила же мать, что не стоит браться за столь недавнюю историю: «Нельзя писать книги о том, что люди видели сами. Многие будут хулить твои записи, потому что запомнили совсем другое».

– Но версия мастера также неплоха, – вступился за него Цянь Ян.

Вот кто славный человек! Он единственный вежливо объяснил свой отказ в помощи Ши Хэю.

«Несмотря на все предпринятые меры, слухи потихоньку поползли по Киньяну, и расходились они не снизу, а сверху, из дворца. Впрочем, сложно было бы скрыть действия императора. Он объявил о создании новой армии и назначил ее командующим третьего принца – Лан Яна. Лан Ян не был сведущ в военном деле, зато бесконечно предан императору. А еще он умело вставлял в речь фразы из классических трудов по ведению войн и потому казался опытным военачальником. Чтобы возместить затраты на пятую армию, император Чэжи Гун-ди подписал указ о новом налоге, военном».

Ши Хэй поднял голову от свитка и добавил:

– У меня есть копии указов о налоге и об армии. Если

будет на то воля Сына Неба, я зачитаю их.

– Не нужно! – отмахнулся Тедань. – Мэй, помнишь, как Кун Веймин целый месяц долдонил нам про эти указы? Я думал, помру со скуки.

Глава министерства магических изысканий кивнула. Она помнила. И еще помнила, что изучать эти указы они начали спустя полтора года после их обнародования. Уже после исчезновения Шена.

«Но не новый налог и не создание пятой армии обеспокоили знать. Император Чжи Гун-ди славился своей мудростью, спокойствием и миролюбием. Всем известно, что попытка вторжения в страну Божественной Черепахи была предпринята из-за второго принца, который поплатился за неудачу тем, что лишился титула наследника престола. Более того, император Чжи Гун-ди, узнав о военных потерях, сказал, что второй принц никогда не взойдет на трон, даже если вдруг умрут все дети Гун-ди. Но и тогда второй принц не был выслан из дворца.

Но самая известная черта характера императора Чжи Гун-ди – чадолюбие».

– Чадолюбие? – подозрительно сощурилась Цянь Джи. Пожив на улице, она узнала несколько значений этого слова.

– Да, – кивнул Ши Хэй. – Он очень любил своих детей, каждый день находил время, чтобы поиграть с малышами или поговорить со старшими. Это редкое качество для императора.

Тедань потер подбородок.

Кун Веймин много рассуждал о Гун-ди как о политике, осуждал его слабости, не раз говорил, что прежний император назначал на важные места не достойных и умных чиновников, а своих бестолковых сыновей. В том числе глава Академии упоминал, что вторжение в страну Божественной Черепахи, которое не было нужно ни нам, ни им, провалилось из-за второго принца, который показал себя бездарным военачальником. Но Тедань впервые слышал о том, что вторжение и началось из-за второго принца. А еще он никогда не задумывался о Гун-ди не как об императоре, а как о человеке.

Сам Тедань не уделял своим детям особого внимания. Он приставил к ним учителей, выпускников Син Шидай, сыновей иногда брал в поездки по стране, а еще твердо решил, что его дети по достижении шестнадцати лет вместе с учениками Академии побывают на всех практиках. Им будет полезно познакомиться не только с дворцовой жизнью, но и жизнью обычных людей.

Порой, когда Тедань вспоминал о детях, он врывался в их покои, сердился, если те занимались какой-то ерундой, задавал несколько вопросов и уходил. Может, поэтому дети боялись его?

«Император Гун-ди старался исполнять желания своих детей, давал им высокие должности и не торопился выдавать дочерей замуж, хотя возраст их к этому времени был

уже подходящий. Даже жены императора просили позаботиться о дочерях и поспешить с браком, ведь если продержат принцессу в девичестве слишком долго, потом заключить удачный союз будет сложнее: пройдет возраст для деторождения. Но Гун-ди не спешил. Возраст старших дочерей уже перевалил за второй десяток, а они еще не были обручены.

Потому известие о внезапном обручении сразу двух принцесс прогремело на всю страну. Даже новый налог не обсуждался так широко. Старшую, красавицу Лиулань, выдали замуж за наследного принца из страны Красноголового Феникса, самой дальней в бывшей империи Семи Священных животных. Люди болтали разное, мол, и что Лиулань опозорилась, заведя интрижку с одним из министров, и что она пригрозила повязать на шее шелковый платок¹, если отец ее срочно не выдаст замуж, и что принц Красноголового Феникса влюбился в ее портрет без памяти и сказал, что если Гун-ди не отдаст дочь ему в жены, то он нападет и заберет ее силой.

Но были и те, кто сумели понять истинные намерения Гун-ди. Зная его характер, они догадались, что император хочет уберечь дочерей от какой-то угрозы, да еще и сбор пятой армии... И знатные рода зачастили во дворец и в дома министров, чтобы узнать подоплеку»

¹ Повязать шелковый платок – эвфемизм для «удавиться». Придуман автором (не китайское выражение).

Ши Хэй замолчал, сворачивая первый свиток и разворачивая второй.

– Так это ты рассказал про первое событие того года. А второе? – вдруг спросил император Ли Ху.

– А второе – открытие Академии Син Шидай. Я как раз хотел перейти к этому.

– Давай-давай, – поерзал на месте Тедань. – Интересно, что ты накопал.

«Всего за пять лет на окраине Киньяна на средства Кун Веймина построили Академию Син Шидай, которая захватила огромное пространство. Кто тогда знал, что амбиции ее создателя распространяются гораздо шире?»

Своеволие господина Кун проявилось в первый же день после открытия Академии. Он принимал людей только младше двадцати лет, и многие чиновники, даже имея на руках рекомендацию императора, вынуждены были вернуться домой ни с чем. Он принимал всех подряд, не спрашивая ни имени, ни звания, ни чина отца. В ворота Академии прошли и молодые люди с богатой родословной из самых знатных семей, и нищие, которые не знали имени отца, и крестьяне, не умеющие ни читать, ни писать. Даже преступники, и те смогли проникнуть внутрь.

Незадолго до этого столица была взбудоражена новостью о том, что двое молодых людей пробрались в дом чиновника третьего высшего ранга, опозорили его юную дочь и пытались убить самого господина. На поиски преступников

были подняты все силы Киньяна. Сам чиновник, чьего имени я не упоминаю лишь из сочувствия к его дочери, потратил немало средств на создание и распространение магических рисунков с их внешностью, но их никак не могли найти. И заметили их лишь возле Академии Син Шидай».

Ши Хэй в очередной раз отвлекся от свитка и, лукаво улыбнувшись, сказал:

– С большим трудом я нашел один из этих рисунков и сохранил из-за сходства с неким господином. Я подумал, что он может позабавить повелителя десяти тысяч лет, и принес его сюда.

Император Ли Ху подскочил на месте и потянулся к мастеру предшествующих знаний:

– Давай его сюда! – Обернулся к Ван Мэй. – Неужто это Шен? Вот здорово, если это он!

Мэй вежливо улынулась и тут же прикрыла лицо рукавом, пряча внезапно выступившие слезы. Уже десять лет прошло, но легче почему-то не стало.

Толстячок вынул из рукава аккуратно свернутый лист плотной белоснежной бумаги и почтительно вложил его в ладонь императора.

Тедань развернул его, на мгновение замер, а потом расхохотался во весь голос, зычно и смачно, как во всем дворце делал только он.

– Глянь! Мэй, глянь, каков! Неужто я был таким когда-то? Это ж уже сколько лет прошло-то?

Ван Мэй посмотрела и невольно рассмеялась, тихо и беззвучно. На листке предстал перед ней Тедань, каким она увидела его в день знакомства. Тощий, скуластый, с огромным носом на костистом лице и нелепыми синими волосами, широкая рубаха с распахнутым воротом, из которого торчал острый кадык и ключицы. Ни капли благородства и ни капли стеснения. Словно он не выходец из далекой деревни, который должен кланяться и пресмыкаться перед каждым, на ком есть хоть клочок шелка. Словно он и впрямь был облакан Небесами. Словно он уже тогда знал, что взойдет на трон императора.

– Знаешь что? Хочу портрет вот с этого рисунка. Чтобы красками по шелку! Чтобы каждую черточку прорисовали! И пусть этот портрет отнесут в комнаты императрицы. Она должна увидеть, каким я был тогда! А то я и веду себя несерьезно, и хожу несолидно, и любимый халат недостаточно парчовый, и голос недостаточно властный...

Уко поморщилась. Дура она, что ли? Императрица эта? Лучше Теданя на престоле смотрелся бы разве что сам Кун Веймин. Император Ли Ху крепко держит в кулаке всю страну, знает в подробностях все аспекты жизни в городах и деревнях: от торговли до шелководства. Ни одна гильдия не смеет ему перечить, в том числе и зазнавшиеся прежде начертатели. Постепенно вводятся новые законы, выстраивается иерархия власти, каждый год из Академии выходят и занимают достойные места чиновники, обученные по завету

Кун Веймина. Их так и называли в народе – кун-саны. И Уко была в восторге, когда случайно услышала на улице разговор двух случайных людей. Один говорил второму, что по спорному вопросу нужно пойти не к тому чиновнику, который отвечает за этот район, а к кун-сану, потому что чиновник потребует взятку и ничего не сделает, а кун-сан разберется и денег не возьмет. Это же кун-сан!

И после этого императрица смеет говорить, что Ли Ху недостаточно хорош как правитель? Видимо, она считает, что император должен сидеть на троне как кукла, завернутый в десять слоев парчи и золота, а вокруг все бьют ему поклоны. Вот уж какие глупости! Хорошо, хоть она из другой страны, и во дворце не сновали ее родственники. Некоторые наложницы пробовали во время ночных утех нашептывать Теданю советы по управлению страной, сватали ему своих отцов, братьев, дядьев на разные должности, жаловались на грубость Цянь Джи и Ван Мэй, намекали на знаки внимания со стороны Цянь Яна и других ребят из Академии.

Тедань потом со смехом пересказывал Цянь Яну, а тот – вечером Уко:

– Я ее обратно на спину переворачиваю и спрашиваю, где ж она так ловко научилась управлять страной? Неужто наложниц нынче как-то иначе готовят? Неужто их теперь не музыке и танцам учат, а читают им труды по экономике и политике? Может, мне в гареме министров набирать? Или она думает, что Академия Син Шидай, откуда вышел ее им-

ператор и господин, недостаточно хорошо обучает чиновников? Одна в слезы ударилась, вторая надулась, третья начала объяснять, что никакое обучение не сделает простолюдина таким же умным, как благородного господина, у которого знания и магия – в крови. Она не сразу сообразила, что я – как раз тот самый простолюдин, простолюдинее некуда, а как до нее дошло, что она ляпнула, кинулась просить прощения и целовать ноги. Нет, гаремные женщины глупы, как курицы, хоть и красивы.

Если бы Цянь Ян хоть раз бы упрекнул Уко в том, что она недостаточно родовита, красива, да еще не может родить, она бы в тот же день ушла из его дома. После того, как избивала бы его до полусмерти. Хотя нынешнего Цянь Яна не так просто побить, как в Академии. Он усердно тренировался все эти годы, научился применять магию в бою, а еще на нем доспехи с защитными массивами на груди и спине. Да и жалко такого красавца бить... Несмотря на солидный уже возраст, на Яна до сих пор засматриваются дочери из знатных семей и жалеют его из-за того, что у него такая грубая и некрасивая жена. Дурочки!

– Нет, – сказал вдруг Тедань. – Не надо больше про открытие Академии. Переходи лучше к тому времени, когда весть о семихвостой распространилась по Киньяну.

Ши Хэй с поклоном ответил:

– Прошу прощения, ваше императорское величество, я не прихватил с собой эти свитки.

– Значит, в следующий раз! О, и Мэйху надо будет позвать. Там про него должна быть пара слов.

Мастер предшествующих знаний собрал свитки и, пятясь, покинул комнату умственного отдохновения. А Тедань всё любовался своим портретом семнадцатилетней давности.

Глава 3

Ши Хэй пришел во дворец точно к назначенному времени, и услужливый евнух проводил его в уже знакомую комнату умственного отдохновения. Но там никого не было.

– Повелитель десяти тысяч лет сейчас на встрече с главами министерств. Вам придется подождать, – не разгибая спины, сказал евнух.

Эти недомужчины умели ходить так, словно поклонились как-то сто лет назад да так и не разогнулись до конца. Жить в вечном поклоне – страшная участь. И если прежде евнухи обладали большой властью, то сейчас их низвели до состояния слуг, коими они и являлись. Хотя двое-трое из них сумели доказать свою полезность императору Ли Ху, и тот незамедлительно нагрузил их работой, приставив к каждому одного из выпускников Академии.

У каждого Сына Неба была клика преданных ему людей. Если наследник всю жизнь провел во дворце, то клика будет состоять из евнухов, родственников матери, служанок и, возможно, клана жены или любимой наложницы. Если наследник командовал войсками, то и его окружение будет складываться из тех людей, с которыми он познакомился в армии. Недаром же умные придворные стараются сблизиться с каждым из более-менее достойных сыновей императора. Мало ли как повернется жизнь и кто из них станет наследником?

Особо ушлые чиновники встраивали в свиту каждого принца своих людей.

С императором Ли Ху происходило то же самое, с одной лишь поправкой: он окружал себя не только теми, с кем учился в Академии, но и вообще ее выпускниками, даже если не знал их лично.

Син Шидай сразу после сражения с лисой стала самым престижным заведением страны. Туда отправляют своих отпрысков все знатные семьи, ремесленники, бойцы, крестьяне, гильдейцы. И с каждым годом приток учеников лишь увеличивается. Один только ежегодный отбор идет целый месяц, и на последнем экзамене всегда присутствует император. Он лично опрашивает кандидатов, задает парадоксальные и неожиданные вопросы и в результате выбирает случайных на первый взгляд людей. Ши Хэй знал, что именно последнего экзамена боятся больше всего, так как можно подготовиться к экзамену по магии, начертанию, знанию классических текстов, но сложно предугадать вопросы императора.

Негромко стукнула дверца в дальнем конце комнаты, знакомо прошелестели юбки. Ши Хэй шумно сглотнул и обернулся к евнуху, стоящему возле двери. Как бы он не вздумал выйти! Нельзя оставлять императрицу наедине с мужчиной! Даже если она с наперсницами и служанками. Евнух хитро сощурил глаза, но ничего не сказал и, к несказанной радости толстячка, не двинулся с места.

Из-за ширмы послышался женский голос, прохладный и переливчатый, как горный ручей в жаркий день. Ши Хэя сразу же бросило в пот. Императрица заговорила с ним!

— Уважаемый мастер, ваши записи весьма любопытны, сразу виден ваш незаурядный талант и как литератора, и как историка. Непредвзятый человек со стороны может разглядеть гораздо больше, чем непосредственный участник. Мой супруг мудро поступил, поручив вам этот нелегкий труд.

Ши Хэй раскраснелся от неожиданной похвалы. Он и сам думал так же, но не ожидал, что кто-то во дворце оценит его старания, тем более, императрица, слывшая весьма надменной и строгой. Он хотел отблагодарить ее за похвалы, но горло пересохло от волнения. Он невольно кашлянул и зажал рот руками. Вот же остолоп! Осквернить слух такой мудрой женщины столь низменными звуками!

— Юнь, подай мастеру чай.

Из-за ширмы выскользнула девушка, прекрасная, как лотос на заре: белокожая, с легким румянцем, глаза точно выписаны тонкой куньей кисточкой. Она поставила перед Ши Хэем столик, принесла чайничек и сама налила ему ароматнейший чай. Мастер предшествующих знаний боялся тронуть чашку своими грубыми пальцами и разлить подношение императрицы, потому шепотом поблагодарил девушку, дождался, когда она скроется за ширмой, и лишь потом залпом выпил чай, не распробовав толком его вкуса.

— Благодарю за внимание к столь незначительному чело-

веку, который все равно что пыль под вашими ногами!

— Я родилась в другой стране и не знаю всех местных обычаев. Мне бы очень хотелось узнать побольше о стране Коронованного Журавля, и кто, если не мастер предшествующих знаний, может лучше поведать мне об этом. Я была бы крайне признательна, если уважаемый мастер после встречи с Сыном Неба зашел в яшмовую комнату и рассказал бы мне немного о своей родине. Там будет и мой сын, наследник престола.

— Конечно-конечно, этот ничтожный не смеет отказать вам в этой просьбе. Но во дворце есть и более одаренные ученые, выходцы из Син Шидай. Уверен, что каждый из них будет счастлив поведать всё, что вам будет угодно.

— Ах, синшидайцы... Они разговаривают так, будто только им известны все тайны мироздания, и смотрят на остальных, как на грязь. Никакого уважения к титулам и происхождению!

Ши Хэй невольно закивал. За эти несколько дней он немало вытерпел обид от ближайшего окружения императора.

— Как только Сын Неба отпустит меня, я незамедлительно направляюсь в яшмовую комнату.

— Евнух Бай, что стоит у двери, проводит тебя.

Распахнулась центральная дверь, первым вошел император, следом за ним остальные. Император громко спорил с сопровождающим его молодым человеком, который был незнаком Ши Хэю.

– Дороги я тебе построил! Во все концы можно безнаказанно проехать на одном осле! И что в итоге? Половина крестьян снялись с мест и бросились в города. А если все будут сидеть в городах, кто будет сажать рис? Кто будет ткать шелк? Кто будет растить скот? А ты говоришь, что этого мало!

– Вот только не надо снова тыкать мне в лицо этими дорогами! – грубовато ответил незнакомец. – Сам знаешь, цена на все товары снизилась на двадцать процентов только потому, что торговцам нынче не нужно столько тратить на охрану караванов. И про крестьян тоже ерунда! Без таблички с печатью дорожного ведомства и шагу из дома ступить нельзя. Да только вот одних дорог маловато будет! И я тебе уже не раз об этом говорил.

– Чего ж ты опять от меня хочешь?

– Я хочу? Да я ничего не хочу! У меня и так всё есть. Я о государстве беспокоюсь.

– Ха, как же! О государстве! Беспокоилась кошка о мышке...

Ши Хэй в ужасе отполз от столика. Кто же был настолько смел, чтобы так разговаривать с императором? Друг из Син Шидай? Нет, незнакомец был лет на десять моложе. Уважения нет ни к возрасту, ни к титулу... Как и говорила императрица.

– Нельзя все время торговать одним и тем же. Вот я, Мэйху, могу, а ты, император Ли Ху, не можешь. Вокруг такие

же земли, такие же страны, у всех растет на полях рис и просо, все растят свиней и яков, все делают шелка. Но!!! Быки продают свой уникальный шелк, который скрывает потоки Ки. Морские коньки поставляют на всю бывшую империю рыбу, осьминогов и устриц, не говоря уже про жемчуга. Фениксы продают меха необычных животных, которые водятся только там. Тигры занимаются оружием. А чем можем похвастать мы? Девятью хвостами двух лисиц? Потому серебро и уходит из страны. Золото ушло еще до лисы, а теперь и серебро уходит. Торговля встает! Не из-за нас, торговцев, а из-за нехватки серебра!

– Вы еще подеритесь, – буркнула Цянь Джи.

Мастер предшествующих знаний удивился еще больше. Почему «бешеная сука» не реагирует на грубое поведение этого самого Мэйху? Судя по одежде, это был чуть ли не наследный принц, настолько роскошно он был одет, но вот крой одежды и головной убор говорили о его незнатном происхождении. Возраст явно меньше тридцати лет. Пронзительно голубые глаза, аккуратные черты лица, гладкая светлая кожа, точно у девицы. Но потом Мэйху стянул шапку, чтобы почесать голову – неслыханная дерзость! И тогда Ши Хэй понял, кто это. Знаменитый на всю страну глава торгового дома «Золотое небо» – белоголовый Джин Мэйху, также известный под именем Байсо.

Поговаривали, что в Киньяне два императорских дворца: один – собственно императора, а второй – дворец Джин.

Этот низкорожденный выкупил несколько сыхэюаней в центре города, неподалеку от лестницы девятиста девяти ступеней, и выстроил там свое поместье. Он ни на капельку не нарушил законов, и ни один дом не превышал установленную планку по высоте, но материалы, которые он использовал, но роскошь декора, но великолепие садов – все это в итоге сложно было назвать как-то иначе, чем дворец.

А откуда такое богатство? О, у Ши Хэя немало свитков написано по торговому дому «Золотого неба», который неразрывно связан и со свержением императора, и с вторжением семихвостой лисы.

Ли Ху провел ладонями по голове, встряхнулся, ни дать ни взять молодой петух перед дракой, и прорычал:

– Так откуда ж мне взять что-то особенное? У меня ни моря нет, ни диких гор со зверями, ни диковинных шелкопрядов. Баньяновый лес – и тот один на всю страну. Может, мне твоими волосами торговать? Тоже ведь диковинка!

Мэйху принял вызов. Подтянул длинные рукава повыше так, чтобы обнажились тонкие белые запястья и, глядя снизу вверх на долговязого императора, ответил:

– Эх, императорское твое величество, уж ты-то должен был понять, что самое ценное – не на голове, а внутри нее.

Ван Мэй утомилась стоять и ждать, пока два задиры наговорятся, потому легонько притопнула ногой, и мощный гул прокатился по комнате, отдаваясь эхом и дальше по дворцу.

– Повелитель десяти тысяч лет, – сказала она так, слов-

но это был не титул императора, а ругательство. – Здесь сидит почтенный Ши Хэй и ждет разрешения прочесть свои труды. А также прекрасная императрица. Неужели вам, словно босоногому попрошайке, кричать на весь дворец! Потом сходите с Мэйху на площадку десяти тысяч мечей и помашете палками.

– Так вот зачем я тебя позвал! – воскликнул Ли Ху, поднял руки, чтобы рукава упали ему на плечи, и уселся на скамью. – Сегодня он должен рассказать про четыре последних года под девизом правления «Справедливая Добродетель». Я хотел посмотреть тебе в глаза, когда речь пойдет о твоём предательстве!

– Все, что когда-либо делало «Золотое небо», шло только на благо страны Коронованный Журавль! – пафосно провозгласил Мэйху и изысканно опустился возле императора.

Ван Мэй печально вздохнула. Она знала историю этого белобрысого выскочки и восхищалась его великолепными манерами. Может, разница между ним и Теданем возникла, потому что Тедань слишком поздно попал в хорошие руки? Впрочем, юный торговец умел подстраиваться под любые условия. С самой Мэй он вел себя церемонно и крайне вежливо, с Уко он несколько раз сталкивался на тренировочной площадке и держался весьма неплохо, в результате Уко его заужала, с Теданем он общался панибратски, что импонировало повелителю, уставшему от ненужных восхвалений.

– Давай, мастер! Поведай нам о предательстве этого неблагодарного Джин Мэйху! – разрешил говорить император.

Ши Хэй робко глянул на самого богатого человека во всей стране. Тот лишь вежливо улыбнулся, показывая, что воспринимает эти слова, как шутку.

«По желанию Сына Неба я начну свой рассказ с десятого года под девизом правления „Справедливая Добродетель“. За два года почти все знатные рода теми или иными способами вызнали о грядущем несчастье. Как ни печально, но большинство из них беспокоились не о стране, возрастившей их и давшей им богатство, а о своих жизнях и сундуках. Рода Люй, Ци и Кун срочно распродали свои земли, обменяв их на золото и кристаллы с Ки. Люй и Ци первыми отправили своих старших сыновей с деньгами и охраной в страну Божественной Черепахи, чтобы те успели купить дома и земли до того, как весть о появлении семихвостой лисы дойдет до остальных императоров. А через полгода вслед за ними выехали и остальные члены семьи.

Многие высокопоставленные чиновники поспешили подать в отставку под предлогом плохого здоровья или из-за старости, ведь после того, как император официально объявит о приходе лисы, уйти со службы будет сложнее.

Следом за первыми тремя родами двинулись еще пять кланов. Они хотели пойти тем же путем и успели отправить первые караваны, но затем император перекрыл выезд

остальных членов семей. Потому им пришлось оставить все имущество и убраться из страны на летунах.

Земля стремительно дешеvelа, роскошные сыхэюани в Киньяне отдавали за бесценок, тогда как уголья в отдаленных городах, напротив, подскочили в цене.

Чтобы предотвратить побег богатых кланов, император Чжи Гун-ди вынужден был пятую армию под командованием Лан Яна направить на границу с Божественной черепахой. Там они должны были перекрыть все дороги и поворачивать караваны обратно.

Правитель Божественной черепахи воспринял армию, вставшую возле границы, как угрозу нового вторжения. Увы, наши соседи не забыли про попытку захватить восточные земли. Я, Ши Хэй, уверен, что император Божественной Черепахи знал о семихвостой лисе, перебежчики непременно доложили бы ему. Все же к нему в страну приехали не безродные крестьяне, а богатейшие и знатнейшие кланы, у которых немало родственных связей и в других государствах. Таких не зазорно пригласить в гости. Да и количество въезжавших людей должно было насторожить его. Но, несмотря на это, он также подвел к восточной границе немалые войска и даже выслал ноту протеста императору Чжи Гун-ди.

Там говорилось, что повелитель Божественной Черепахи требует убрать столь армию с границы, иначе он воспримет это как нападение и возьмет на себя смелость атаковать.

вать первым. Так же там говорилось, что препятствование свободным людям в перемещении есть признак жестокости и скудоумия, потому он, император Божественной Черепахи, вынужден будет вмешаться и помочь несчастным.

Разумеется, если бы в соседнюю страну бежали крестьяне в лохмотьях, то никто бы их не впустил. Зачем лишний раз плодить нищету? А вот заполучить золото и несметные запасы Ки знатных родов никто бы не отказался.

Пятую армию пришлось отвести вглубь страны и разместить возле Равнинного моря, но из-за отсутствия хороших дорог и деревень подвоз продовольствия был затруднен, и солдаты часто голодали, погибали от зубов и клыков диких зверей, множество лупоглазов охромели из-за обилия зубастых ям. Во время сезона дождей начались болезни, и численность пятой армии уменьшилась на треть.

Так как армия собиралась наспех, там не хватало магов, врачей, палаток, оружия и обмундирования. К тому же третий принц не обладал нужными знаниями и не умел выбрать место для расположения армии, не следил за построением лагеря, не требовал правильного числа выгребных ям и соблюдения устоев, болезни одна за другой прокатывались по его солдатам. Увы, судьба пятой армии хорошо показывает, что знание книжных истин недостаточно для того, чтобы стать хорошим командующим».

Впервые император Ли Ху слушал мастера предшествующих знаний так внимательно, что не сводил с него глаз.

– Там погиб мой младший брат, – негромко сказал он. – В пятую армию сгребали всех, от пятнадцати до пятидесяти лет. Если в семье больше двух мужчин, то одного непременно забирали. Так забрали и Луданя. Он ни разу не вышел на поле боя, ни разу не встречал врага, умел лишь стоять с плохоньким копьём в строю, выучив два удара и три защиты.

Ши Хэй молчал, пораженный до глубины души. Он знал, что происхождение нынешнего императора невысоко, знал название его родной деревни, знал, что после восшествия на престол Ли Ху не торопился перевозить семью в Киньян, и лишь после отражения лисьей волны он отправил за ними летуна. И, как ни странно, его родные хоть и жили в Киньяне, но не вмешивались в политику. Они вели себя так тихо, что никто из придворных и не вспоминал о них. Сестру император выдал замуж за незнатного синшидайца, братьев отправил учиться в Академию, а родителям выделил участок земли, и там они выращивали целебные травы, хотя могли есть с золота и запивать из серебра².

– Поэтому учитель Кун и отправлял нас в армию каждый год, – сказал Цянь Ян. – Чтобы мы не только щеголяли красивыми фразочками из книжек, но и знали, что едят солдаты и сколько срут.

Мэйху прыснул от неожиданных слов лощеного Яна, потом посерьезнел и добавил:

² Есть с золота и запивать из серебра – выражение, говорящее о несметном богатстве. Придумано автором (не китайское выражение)

– Хороший торговец должен не только считать деньги, но и думать о своих людях и даже за них. Чем больше людей собирается вместе, тем они глупее. А, значит, тем тяжелее приходится их предводителю.

– К Лан Яну были приставлены опытные военачальники, – внезапно сказал Ши Хэй, поддавшись дружеской атмосфере, царившей между императором и Джин Мэйху. – И если бы третий принц слушал их, не было такой трагедии.

– Продолжай, – оборвал его Ли Ху.

«Паника коснулась не только знати. Простые жители не догадывались о грядущей катастрофе, но они видели, как один за другим могущественные кланы снимались с родовых земель, бросали сундуки, набитые шелками и фарфором, и бежали. В столице начали ходить разные слухи, один другого страшнее. По улицам бродили гадалки и прорицатели, трясли сушеными костями, грохотали палками с нанизанными кольцами, подкидывали в воздух перья и кричали о семи великих бедствиях. Говорили о трехлетней засухе и двухлетнем наводнении, о страшном голоде и болезнях. Перепуганные люди творили разные безумства. Один раз растерзали семью мясника, чья дочка покрылась красными пятнами, так как подумали, что это какая-то чума, в другой раз разгромили лавку мелкого торговца. Врывались в брошенные сыхэюани и потом бежали по Киньяну, нацепив на себя дорогие не по чину одежды, швыряли фарфоровые чашки в паланкины чиновников, требуя сказать правду. Цены на про-

дукты выросли в десять раз. Если раньше ты мог купить за один мао мешок риса, то сейчас получил бы черпак.

Император закрылся во дворце и окружил себя дворцовой охраной, лишь раз в три дня принимая доклады от министров.

Когда до Киньяна дошли слухи о гибели пятой армии, горожане взбунтовались. В это неудачное время попытался сбежать из страны клан Цянь».

Лицо Цянь Яна осталось спокойным, лишь кожа на скулах натянулась так плотно, что, казалось, вот-вот порвется. Он узнал о бедствии, настигшем его родных, спустя месяц. Учитель Кун не хотел говорить ему сразу и даже советовался с Уко, как лучше поведать Яну эту горестную весть.

«Взбешенная толпа напала на караван семьи Цянь прямо перед городскими воротами, и хотя охранники сражались не на жизнь, а на смерть, да и сами Цянь без стеснения применяли магию, опустошили половину кристаллов и использовали все амулеты, которые были у них с собой, клан Цянь был уничтожен в тот день.

Потоки крови текли из Киньяна через ворота и выкрасили дорогу в красный цвет. Видевший это безумие поэт Суй Цзе сложил стихотворение, которое впоследствии вошло в тысячу лучших произведений за все времена.

*Закат окрасился багрянцем,
Земля, завидуя ему...»*

– Хватит. Не нужно стихов, – оборвала Уко, обеспокоенно глядя на мужа.

Она помнила, как ее Ян вернулся от Кун Веймина, пошатываясь, будто пьяный. Как он упал на колени, обнял ее за ноги и рыдал, впиваясь зубами в полы ее халата. Он ничего не говорил, лишь стонал и рычал, как помешанный, и его руки сжимали ее все крепче. Уко тоже молчала, несмотря на боль. Помнила, как он уткнулся лицом в ее живот. Как впился губами в ее губы. Как сорвал с нее одежду. Как испуганно целовал ее шею и руки.

А наутро бледный и устрашающе спокойный Ян пришел к Кун Веймину и потребовал, чтобы тот поженил его с Уко.

– У меня не осталось никого, кроме нее. Теперь мой отец и моя матушка не будут возражать против брака. Теперь я так же нищ, как и она, а она так же богата, как и я.

Учитель Кун не возражал. Он провел помолвку, но попросил подождать со свадьбой, пока не пройдет положенный срок траура – три года. Впрочем, Ян из погибшего клана Цянь и Уко с того дня начали считать друг друга мужем и женой и стали жить вместе.

Ши Хэй только сейчас сообразил, перед кем он хотел прочесть это стихотворение, увлекшись. Он вжал голову в плечи, шумно сглотнул и развернул следующий свиток.

«И так случилось, что именно от погибшего клана Киньян узнал правду. Когда разъяренная толпа добралась до

повозок и фургонов с членами семьи Цянь и их личными слугами, одна служанка, видя неминуемую гибель, закричала, что скоро погибнут и убийцы, что скоро придет семихвостая лиса и принесет гибель всему многотысячному городу.

В пылу битвы ее слова затерялись, но потом, когда люди опомнились и успокоились, весть о семихвостой лисе воскресла. Ее передавали из уст в уста, и вот странный и необъяснимый факт: люди верили в приход семихвостой с того же момента, как только слышали новость.

Может, на их веру повлияло недавнее нападение двухвостой лисы на далекий провинциальный город Цай Хонг Ши? А может, это звучало правдоподобнее, чем все те безумные слухи, которыми полнился город?

Второй необъяснимый факт. После известия о лисе люди вдруг успокоились. Не сразу, не за один день, но все бунты и восстания постепенно сходили на нет. Цены перестали расти как бешеные. У кого были родственники в других городах, собирали свой нехитрый скарб, дожидались попутчиков и по сто-двести человек отправлялись пешком из Киньяна. Император не препятствовал их отбытию.

Но однажды из соседнего города приехал торговый караван, изрядно потрепанный, множество повозок были обгоревшими, в некоторые были впряжено всего два яка вместо четырех, охранников осталось немного, и почти все они были ранеными. Горожане бросились спрашивать, что случилось и видели ли торговцы ушедших в тот город людей, ко-

которые вышли две недели назад. Выяснилось, что видели. Видели остатки вещей, видели кровь на дороге, видели растерзанные тела. И хуже всего, что звери убедились в беззащитности людей и набросились на караван с той же яростью. Обученные воины в сочетании с охранной магией и амулетами смогли отбить нападение, но второй раз в ту сторону торговцы больше не поедут.

После этого побеги из Киньяна прекратились.

Также прекратились и торговые поездки за пределы патрулируемой области вокруг столицы. Возле Киньяна немало деревень, но они не могли прокормить весь город. Стала ощущаться нехватка продовольствия.

Император бездействовал».

Тедань потер взмокший лоб.

В то время Кун Веймин временно приостановил занятия в Академии, собрал учеников из первого и второго набора и, ничего не скрывая, рассказал им страшную правду. Не считая нескольких расплакавшихся девчонок, студенты восприняли это спокойно. К тому времени их вера в учителя Куна была безграничной.

Учитель Кун сказал, что семихвостая лиса – это не приговор.

– Мы не всемогущи, – сказал он тогда. – Мы не можем заставить небеса излиться дождем во время засухи, но можем проложить каналы по полям. Мы не можем остановить наводнение, зато можем выстроить дамбы. Мы не можем

предотвратить нападение лисы, зато можем отразить его. И если император не примет надлежащие меры, тогда этим займется Академия Син Шидай!

Ученики радостно загудели. Им понравилась уверенность Кун Веймина, что одна академия может справиться с тем, что не по силам императору.

– Сначала нужно, чтобы люди Киньяна узнали правду! Именно простым горожанам: торговцам, гончарам, крестьянам, кожевенникам и скотоводам – и придется встретить атаки лисы. Потому они должны быть готовы. Вы все проходили практику и как слуги, и как крестьяне, вам не составит труда слиться с толпой и рассказать о грядущем приходе лисы.

Но их задача была не только в том, чтобы поведать всем о семихвостой. Еще каждому студенту на пояс повесили амулет и дали полный кристалл для его подпитки. Эти амулеты обладали успокаивающим эффектом. Это была неизвестная прежде разработка безымянного мастера-начертателя, линии на амулете чем-то напоминали хаотичные переплетения у изделий Ими Яна.

Синшидайцы целую неделю ходили по Киньяну, беседуя с каждым, кто готов был их слушать, рассказывали, что своими ушами слышали про приход лисы от знакомого чиновника или слуги важного господина. Говорили с мелкими лавочниками, громко обсуждали это в чайных, шептали на ухо служанкам. И при этом окутывали Киньян спокойствием и умиротворением.

И каждый ученик знал: Академия Син Шидай справится!

Глава 4

В комнате умственного отдохновения стояла тишина. Каждый по-своему переживал рассказанное мастером предшествующих знаний.

Император Ли Ху, Ван Мэй, Цянь Ян и Цянь Джи думали о том, что Академию столичные волнения затронули не так сильно. Кун Веймин за год до описанных событий начал скупать зерно, овощи, мясо, чай, масло и запасать их в кладовых, которые заранее укрепил массивами против грызунов и вредителей, а подвалы, где складировал мясо, расчертил холдящими массивами. Высокие стены защищали не только от беспорядков, но и от гуляющих по столице слухов.

Командующий во время бунтов провел в Академию свой цзу (отряд из ста солдат), которые расположились между внешними и внутренними воротами для обороны и безопасности. Со многими из них студенты познакомились еще во время практик.

В начале своего правления Тедань приказал поднять указы предыдущего императора за это время и обнаружил, что тот был не так уж и бездействен. Гун-ди пытался изменить положение: хотел конфисковать имущество удирающих кланов, чтобы получить хоть какую-то выгоду, не раз приглашал представителей гильдии начертателей и спрашивал, какую защиту Киньяну те могут предоставить, выдвинул предло-

жение об объединении личной охраны всех богатых и знатных родов под рукой императора. Но все его предложения остались нереализованными из-за противодействия чиновников. Знать не хотела упускать возможность вернуться. А вдруг лису каким-то образом победят? Или даже если не победят, так ведь не сожрут животные дома и не проглотят золото. Начертатели не могли сказать ничего толкового и лишь просили огромные запасы Ки на разработки. На выделенные десять тысяч Ки они покрыли защитными массивами только стены императорского дворца. На весь Киньян гильдия потребовала не меньше ста тысяч Ки и пятьдесят тысяч лянов серебра. Личную охрану также никто предоставлять не хотел.

Так что проблема была не в скудоумии императора Чжи, а в его слабости. Как и говорил Кун Веймин. С другой стороны, Чжи Гун-ди не обладал столь же преданными подчиненными, как учитель Кун, и ему не на кого было опереться.

Ши Хэй допил остывший чай, проглядел развернутый свиток и продолжил рассказ.

«Созывать армии к Киньяну так рано не было смысла. Продовольствия не хватало даже на горожан, не говоря уже о солдатах. Потому император Чжи Гун-ди разослал указы в каждую из пяти армий с требованием ужесточить тренировки, готовиться к сражению с животными, в том числе с летунами. Конечно, одновременно с указами он сообщил и о грядущей катастрофе. В двух армиях сразу после

этого сменилось командование. Генералы бросили доверенный пост и сбежали из страны. Пятая армия все еще пыталась восстановиться после болезней и лишений. Третий принц начал прислушиваться к советникам, лично обходил солдат и следил за соблюдением правил. За нарушения секли не только простых копейщиков, но и их командиров.

Самой боеспособной и опытной армией среди всех оказалась третья, или Северная, армия под командованием генерала Чжэнь Зеншена, которая располагалась не так далеко от Киньяна. И генерал Чжэнь выразил готовность в любой момент выдвинуться на защиту столицы. Император Чжэнь Гун-ди приказал генералу Чжэнь увеличить количество патрулей и тщательнее прочесывать местность. Вероятность найти и убить семихвостую лису до начала волны была невелика, но не стоило пренебрегать и столь малой надеждой на спасение».

Мэйху поерзал на своей скамье, заглянул в пустую чашечку, постучал пальцем по пустому блюду из-под пирожных, и как только в повествовании Ши Хэя появилась пауза, спросил:

– Уважаемый правитель земли и неба, а когда речь дойдет до торговцев? Мне ваши армейские хитрости не очень интересны. Ты обещал, что тут будет идти речь и про меня.

Император Ли Ху усмехнулся, приказал принести еще угощений и обратился к мастеру предшествующих знаний с тем же вопросом.

– Восхождению «Золотого неба» я отвел отдельный свиток, так как постарался расписать историю этого торгового дома с самого начала, чтобы потомки могли проследить его развитие с самого начала, – вежливо ответил Ши Хэй.

– О, это великолепно! – воскликнул Мэйху. Только было непонятно, чем именно он восторгался: то ли словами мастера, то ли двумя большими блюдами с рисовыми пирожками и сладостями, которые внесли служанки.

Мерное постукивание венчика в чайничке, плеск процеживания отвара через ситечко, и вот по комнате разлился тонкий аромат весеннего горного чая мягкой обжарки. Тонкие чашечки, изготовленные в Юэ Чжоу, подчеркивали едва заметный зеленоватый оттенок напитка.

Мэй двумя пальцами взяла один пирожок, откусила и положила на блюде рядом с собой. Уко стояла, прислонившись к стене за спиной императора. Она редко ела в его присутствии. «Кто-то должен быть настороже», – часто говорила она в ответ на приглашения Теданя. Цянь Ян с явным удовольствием вдыхал аромат чая, он не любил перебивать естественный вкус напитка закусками и сладостями. И только Тедань и Мэйху с одинаковым азартом хватали пирожки, закидывали их в рот целиком и запивали, не пытаясь прочувствовать прелесть дорогого чая. Они оба умели отличать сорта чая, разбирались в чайных церемониях и знали, как применять все двадцать четыре прибора, но в узком кругу предпочитали есть так, как удобно, и то, что нравилось.

– Теперь я себя чувствую гораздо лучше. Могу выслушать еще сто метров свитков, – заулыбался Мэйху.

Ван Мэй покачала головой. Вот же! Богатейший человек в стране, глава крупнейшего торгового дома, советник императора по торговым вопросам, обладатель пяти почетных титулов и поэтому уже не простолюдин, муж, отец, а ведет себя как ребенок. Впрочем, кто ж ему теперь посмеет возразить? Иностранные принцы и те не могут сразу попасть к нему на прием! Разве что император Ли Ху захочет приструнить наглеца. Так ведь и он попал под невероятное обаяние этого мерзавца.

Глава министерства магических изысканий переживала, что влияние Джин Мэйху станет слишком большим. Да, он сделал для спасения страны ничуть не меньше, чем каждый из синшидайцев. Да, он до сих пор ни разу не воспользовался связями и богатством для нечистых дел, не вошел в совет министров, хотя ему предлагали. Со стороны казалось, будто этого белоголового мальчишку интересуют только сладости и роскошь, его сундуки, наверное, были завалены самыми дорогими и изысканными тканями со всех концов бывшей империи Семи Священных животных, его столы всегда щедро уставлены экзотическими блюдами, а обстановка в его бесконечно большом сыхэюане превосходила по стоимости даже императорский дворец. И это если не вспоминать о великолепно устроенном саде в его поместье, нескольких прудов, террас для распития чая, беседок для винных застолий

и прочих укромных уголков. Птицы, звери, красивые бабочки – чего только у него не было? Поговаривали, что внутри сыхэюаня живут даже опасные хищники, например, байпхейнцзы.

Когда Мэйху устраивал прием, на него пытались попасть все более-менее значительные жители Киньяна. И не только ради знакомства с самим Мэйху, не только ради встреч с другими влиятельными людьми, а ради изысканных развлечений, которые тот устраивал. Даже Тедань пару раз ходил туда, изменив внешность.

Сама Ван Мэй была в поместье Джин лишь однажды и не могла забыть тот прием до сих пор. Тема приема была объявлена заранее, на приглашении было написано «Небесная обитель». И как только она прошла через внутренние ворота сыхэюаня, то подумала, что и правда попала на Небеса. Под ногами лежали мягкие белые облака, и Мэй сначала испугалась, что не сможет пройти по ним, не упав, но под пышным покровом был плотный и устойчивый материал. Вокруг порхали огромные диковинные бабочки, и с их крыльев сыпались мелкие золотые и серебряные блестки. Незнакомые деревья в нежном цвету, переливчатые трели невидимых птиц сливались с пением флейт. Музыка лилась отовсюду, хотя ни одного музыканта Мэй так и не увидела. А люди вокруг? Прекрасные, горделивые, в тончайших и необычных одеждах. Госпожа Ван до сих пор помнила то чувство стыда, которое ее охватило тогда, ведь она-то пришла в обычном, хоть

и хорошем одеянии, да и лицо ее не столь прекрасно. Ей, как любой женщине, не хотелось чувствовать себя самой уродливой и плохо одетой среди всех.

Потом она заметила небольшой водопад, в котором вода лилась настолько ровно и спокойно, что в него можно было смотреться, как в зеркало. Там она увидела, что выглядит так же, как и люди вокруг, и поняла, что на всех посетителей при входе была наложена иллюзия, которая не перекраивала их внешность целиком, а лишь улучшала их черты. Сколько же труда и Ки было вложено в одну только эту задачу, Мэй даже боялась предположить. Она задумалась, как вообще можно было это осуществить. Даже если знать имена гостей заранее и проработать иллюзию для каждого отдельно, нужно ведь поставить опознавательный знак, чтобы нужная иллюзия наложилась на нужного человека. Тогда она догадалась взглянуть на приглашение еще раз. Так и есть. В плотную белую бумагу был встроен магический маячок. Мэй тогда сильно разозлилась на собственную беспечность. Уж Уко бы не пропустила незнакомый магический знак!

Пока Мэй гуляла по Небесной обители, ела тающие во рту цветы, пила сладкие тонкие вина, она не могла не вспомнить лекции Кун Веймина, в которых учитель обличал роскошь и разврат. Чем этот прием отличался от тех пышных празднеств, которыми славился император бывшей империи Семи Священных животных? И тут поняла, что разница есть. Император растрачивал Ки и деньги, собранные с простого

народа, а у главы «Золотого неба» не было доступа к государственной казне. Он тратил только те средства, которые заработал сам.

Пожалуй, и впрямь пора вспомнить, как этот мальчишка сумел добиться такого положения.

Ши Хэй бережно отложил свиток в сторону. Наверное, в нем он расписал перемещения армий и отдельных отрядов, еще один набор в пятую армию, несколько небольших восстаний в отдельных деревнях из-за этого, назначения на высшие военные должности новых людей, какие-то – по заслугам, какие-то – из-за связей. Несмотря на близкую угрозу, люди продолжали оставаться людьми: мелочными, глупыми, алчными. Даже тогда они пытались урвать новые куски, титулы, земли, звания, не задумываясь, что будет после.

Впорхнули служанки, унесли пустые блюда, Мэй выпустила магический импульс и заставила светильники вспыхнуть светом. Комната озарилась мягкими теплыми огнями, потянуло легким ароматом сирени. И все присутствующие в комнате на мгновение ощутили, что стали ближе друг к другу.

«В двенадцатый год под девизом правления „Справедливая Добродетель“, когда уже все знали о грядущем бедствии, император Чжи Гун-ди пригласил к себе глав крупных торговых домов, чьи гербы располагались на верхних ста пролетах лестницы девятьсот девяносто девяти ступеней. На встрече присутствовали писари, которые вели записи, потому у меня, Ши Хэя, есть возможность привести в данном

труде подлинны́е слова императора.

Первое, что неприятно поразило Сына Неба, – многие торговые дома прислали старших или даже средних сыновей под предлогом нездоровья настоящего главы.

– И что это за болезнь одновременно поразила уважаемых старейшин? Может, какая-то чума ходит по городу? – гневно спросил император. – Вот вы! „Золотое Небо“?

Главы расселись возле отдельных низких столиков, на которых были щедро расставлены угощения, и рядом с каждым стоял вымпел с гербом торгового дома, чтобы император мог понять, с кем говорит.

– Не так давно я решил одно сложное дело в вашу пользу, отдал целый район под ваши склады и лавки. А вместо почтенного Джин Юна пришел четвертый сын, да еще и мальчика притащил. Так „Золотое небо“ платит мне за добро?

Джин Фу коснулся лбом пола и проговорил:

– Правитель десяти тысяч лет за множеством тяжёлых и важных хлопот мог пропустить незначительное событие в ничтожном торговом доме. Два года назад мой многоуважаемый отец Джин Юн по старости лет передал управление торговым домом в руки своему бесталанному четвертому сыну. Так что вот уже два года „Золотое небо“ говорит моим голосом. А это мой единственный сын и наследник – Джин Мэйху, который часто дает толковые советы.

Император поднял палец, к нему подошел доверенный ев-

нух, что-то тихо сказал на ухо. После этого Чжи Гун-ди перешел к другим торговым домам, но у них не было такого оправдания.

Уже тогда стало понятно, что встреча пройдет не так гладко, как задумывалось».

– Ого! – воскликнул Мэйху. – Я как будто отца услышал. Но если в этих свитках записано каждое сказанное словечко, то мы просидим тут до ночи! Прием у императора тогда продлился часов шесть. Хочу заметить, что угощение Гун-ди выставил не такое уж и щедрое и вина было всего две бутылочки на столик. Наверное, он не хотел, чтобы его гости часто бегали до ветра!

– Не слушай его, Ши Хэй, – посмеиваясь, сказал Ли Ху. – Он заговаривает нам зубы, чтобы мы не заметили его предательства. Продолжай.

«Император Гун-ди обратился к представителям торговых домов с речью. Он сказал:

– Все вы знаете о грядущей беде, семихвостой лисе, которая сейчас копит силы неподалеку и собирается напасть на Киньян. Это общее бедствие, как наводнение или засуха, и никого оно стороной не обойдет. Потому нужно всем вместе, невзирая на чины и знатность, подготовиться к приходу лисы и убить ее раз и навсегда. Вы, как люди образованные, знаете, что если Коронованный Журавль не справится, то в опасности будут все страны и даже весь мир. Я не могу допустить, чтобы ныне живущие люди были в очередной

раз уничтожены, и человечество снова пройдет через дикие и темные времена. Мы должны собраться и вместе основить чудовище, посланное нам со Дна Пропasti.

Торговцы слушали молча.

– Здесь собрались самые умные люди моей страны, – польстил император торговцам. – У каждого из вас собственная торговая империя с армиями, подчиненными, советниками и казной. Сообща мы справимся с любой лисой, сколько бы хвостов у нее ни было.

Тут поднялся Сяо Лян, второй сын главы „Звездных врат“.

– Премудрый правитель десяти тысяч лет изрекает непреложные истины, и мы, как верные подданные его величества, с трепетом внимаем его словам. Только прошу объяснить нам, неразумным, как именно эти ничтожные простолюдины могут помочь Сыну Неба».

– Вот-вот, такая словесная пена как раз и отнимала больше всего времени, – снова встрял Мэйху. – Я там едва не заснул.

Дружеская затрещина от Уко заставила господина Джин прикусить язык, и Ши Хэй продолжил:

«Если отбросить велеречивые славословия и иносказания, император Чжи Гун-ди хотел, чтобы торговые дома с одной стороны раскрыли свои склады и предоставили товары в безвозмездное пользование императорскому дому, а с другой – предоставили денежные средства для покупки Ки

и оружия в соседних странах. Например, „Звездные врата“ должны были предоставить доспехи для новых военных отрядов, „Небесный урожай“ должен привезти продовольствие с запасом на три года, так как все отлично понимали, что даже при благоприятном исходе силы страны будут временно подорваны, многие семьи лишатся мужчин-кормильцев, и запас зерна просто необходим. „Золотое небо“ должно поставить оружие и амулеты. И так далее. Торговые дома, которые занимались чем-то менее важным, например, „Небесная пища“, в ведении которой находились чуть ли не все харчевни и чайные Киньяна, могли бы помочь деньгами и людьми. Так как все торговцы отправляли свои караваны, то у них были опытные охранники, привыкшие иметь дело с разными зверями.

За всех ответил Юй Да-синь, третий сын главы „Небесного урожая“.

– Эти бедные и скудоумные подчиненные могут только склониться перед мудростью Сына Неба и по мере своих жалких сил исполнить его повеление. Вот только мы всего лишь жалкие торговцы, кроме денег и товаров, у нас ничего и нет: ни славных предков, ни громких титулов, ни государственных чинов. Что останется у нас, если мы отдадим всё состояние на благо страны? Этот глупый позднорожденный уверен, что лучшие люди страны, знатные кланы Кун, Люй, Ци, Цянь должны первыми броситься на спасение Киньяна, многомудрые министры и чиновники должны

сложить к ногам Небесного правителя скопленные богатства как в золоте, так и в Ки. Тогда мы, простые торговцы, смиренно последовали бы примеру благородных господ. К тому же ни Божественная черепаха, ни Белокрылый Бык не отдадут оружие или амулеты, только потому что беда пришла в наш дом. Наоборот, они поднимут цены, зная о бедственном положении Коронованного Журавля, и потребуют плату вперед. Таков низменный торговый путь.

Юй Да-синь смело отвечал императору не просто так. Он знал, что правитель может отправить солдат на склады и в поместья, может забрать их товары и богатства просто так, потому торговые дома при первых же слухах о семихвостой постарались обезопасить себя, вывезя значительную часть средств из страны. У каждого крупного торгового дома были связи в соседних государствах. Да, они потеряют большую часть влияния, им придется заново выстраивать торговые линии, конкурировать с местными торговцами, подстраиваться под новые обстоятельства, но все это незначительные неудобства по сравнению с полным разорением и уничтожением.

И в отличие от знатных кланов торговцы сумели проверить это незаметно, постепенно отправляя с караванами имущество и людей. Потому-то на встречу с императором пришли младшие сыновья. Многие главы уже покинули или готовились покинуть страну Коронованного Журавля».

– А теперь будет мой выход! – не удержался Мэйху. – Вер-

но, мастер предшествующих знаний?

Ши Хэй, когда собирал сведения для своего труда, часто восхищался этим молодым человеком, поставившем на кон благополучие своего торгового дома. Когда проходил мимо сыхэюаня Джин, кланялся возле ворот, выражая уважение его семье. Ни разу не позавидовал его приятельским отношениям с высокопоставленными чиновниками страны и несметным богатствам, даже если у самого в сундуках была всего пара лянов. Но сейчас этот низкородный и позднорожденный раздражал Ши Хэя до зубовного скрежета. Так и хотелось схватить его за отвороты халата, встряхнуть разочек и заставить замолчать. Только поговаривали, что Мэйху, хоть и выглядит как изнеженный цветочек, неплохо владеет боевыми искусствами.

– Конечно, уважаемый господин Джин.

«Выслушав грубую речь Юй Да-синя, император Чжи Гун-ди замолчал. Он не мог принудить знать, не мог повлиять на чиновников, а теперь и торговцы, несмотря на оказанную честь, в глаза говорят, что не будут рисковать. Ввести третью армию в Киньян прямо сейчас? Палками заставлять людей сражаться и страдать? Может, лучше временно перенести столицу в другой город? Куда-нибудь подальше, на юг, например, в тот самый Цай Хонг Ши, который сумел отбить нападение двухвостой. А что тогда станет с теми людьми, что останутся в Киньяне? И спустя десять лет нужно будет отбивать нападение уже восьми-

хвостой лисы!

Я, Ши Хэй, привожу эти мысли императора Чжи Гунди, опираясь на личные записи Сына Неба, сохранившиеся в дворцовом архиве.

Торговцы поняли, что прием подошел к концу, и уже хотели было откланяться, как из-за столика с вымпелом „Золотого неба“ встал пятнадцатилетний юноша и сказал:

– Правитель десяти тысяч лет! Торговый дом „Золотое небо“ поддержит ваши благородные идеи и сделает все возможное, чтобы осуществить ваши чаяния.

Сын Неба печально улыбнулся при виде юношеского порыва и спросил:

– Как зовут тебя, молодой торговец?

– Уважаемый отец при усыновлении дал мне свою фамилию Джин и новое имя Мэйху, но прежнее прозвище запоминается лучше. Раньше меня называли Байсо, – и мальчик снял шляпу, показав белые волосы, завязанные в узел.

– Ты говоришь от своего лица или от торгового дома?

Он переглянулся с приемным отцом и ответил:

– Я говорю от всего „Золотого неба“.

Джин Фу едва заметно улыбался и кивал вслед словам сына. Представители других торговых домов зашумели, обсуждая дерзость молодого поколения и глупость Джин Юна, который передал свой драгоценный дом в руки безумцу.

Император Чжи все еще не воспринимал молодого Джин всерьез, но так как малец сумел подарить ему хорошее на-

строение, то Гун-ди решил поддержать Мэйху.

— Есть ли у тебя конкретные предложения?

— Да, — храбро ответил юный Джсин. — И я готов изложить их Повелителю при личной встрече как словами, так и письменно.

Юй Да-синь вскочил с места и сказал:

— Говори при всех! Что за невежество? Ты что-то скрываешь от собратьев-торговцев?

— Мне нечего обсуждать с безъязыкими. Хоть ты и старше годами, но по положению я наследник торгового дома, и ты должен называть меня старшим братом или даже дядюшкой.

Юй побагровел от злости, но возразить не мог, ведь он и впрямь был ниже по положению, так как не был не только главой торгового дома, но даже не считался первым наследником».

Император Ли Ху громко рассмеялся, хлопая себя по колену.

— Вот же наглец! Что тогда был наглецом, что сейчас! Из любой ситуации вывернешься, в любой горшок без масла влезешь.

Мэйху пожал плечами:

— Мы с отцом заранее обговорили наши действия и решили, что будет лучше, если гнев других торговых домов падет на меня. Легче отцу трижды извиниться перед всеми, чем мне оправдывать действия отца. Я ведь кто? Приемный,

невежественный приبلуда. А он – сын уважаемого человека Джин Юна!

– Так кто первый из вас решил пойти против решения торговцев?

Ши Хэй замер в ожидании ответа. Этого в архивных записях не было.

– Мой уважаемый отец часто совершал рискованные поступки. Взять хотя бы мое усыновление! В этот раз он, как и остальные торговцы, тоже подумал о побеге, хотел перевезти отца и казну дома в другую страну, хотя это нарушило бы все планы. И когда он предложил этот вариант дедушке, Джин Юн потребовал, чтобы я пришел навестить его, – Мэйху сейчас казался совершенно иным человеком. К семейным делам он относился крайне серьезно. – Ты, императорское величество, должен меня понять, ты тоже с уважением относишься к предкам.

Мастер предшествующих знаний пожалел, что не захватил тушечницу и чистую бумагу, потому старался запечатлеть в памяти каждое слово.

– Я пришел к высохшему старику, который больше походил на мертвеца, чем на живого. И он меня спросил, отдыхая после каждого слова, как бы я поступил, будь главой торгового дома. Я ответил ему честно. Сказал, что приложил бы все усилия для защиты страны от семихвостой лисы. И не только потому что я живу в этой стране и в этом городе, не только потому что так должен поступить каждый добропо-

рядочный человек, а потому что это наиболее интересный выход для торговца. Неважно, проиграем ли мы или сбежим, нам придется начинать с самого начала в чужих землях. В любом случае у нас останутся связи, средства, знания и часть людей. Зато если мы выиграем, тогда наш торговый дом вознесется до Небес! И знаешь, что сказал мне этот умирающий старик?

– Что?

– Он сказал, что у меня – его сердце. Потому отец и не стал возражать против моих идей. Он знал, что я поступаю так, как поступил бы дед.

Ши Хэй шевелил губами, повторяя про себя слова Джин Мэйху. Остальные молчали, отдавая дань уважения почтенному предку Джин. Но тут торговец хлопнул в ладоши и разрушил задумчивое настроение.

– Так, повелитель десяти тысяч лет, и зим, и вёсен³. У тебя кормят неплохо, хоть и не так хорошо, как у меня, и люди вокруг весьма достойные, и разговоры душевные, но на небе уже выпали звезды, а значит, пришла пора откланяться.

– Приходи завтра! Мы продолжим слушать работу Ши Хэя, – легко отозвался император.

– Ах да, – Мэйху снял с руки золотой браслет тонкой работы и положил его прямо на развернутый свиток. – Это благодарность за ваше усердие и преданность. Вы вернули меня

³ Намёк на наличие в гареме императора наложниц-девственниц.

на этот вечер в юность!

Ши Хэй растерялся и не успел поблагодарить молодого Джин. Тот быстро натянул шапку, раскланялся с Ван Мэй и выскользнул из комнаты. За ним последовал император, Цянь Джи и прочие. Спустя мгновение мастер остался один. Хотя нет, императрица так же оставалась за ширмой.

Мастер предшествующих знаний свернул бумаги, уложил их в сумку и собрался было пойти в Яшмовую комнату, как в дверь ужом проскользнул евнух Бай, вежливо наклонил голову и сказал:

– Уже довольно поздний час. Моя госпожа предлагает подождать более удобный случай для встречи.

– Конечно-конечно. Я повинуюсь ее воле.

И Ши Хэй устало побрел в свой небольшой домик на окраине Киньяна.

Глава 5

Господин Ши печально оглядел скудную обстановку своего дома. Единственным украшением его служили надписи на длинных полотнищах, вывешенных на стенах. Именно эти слова и поддерживали его последние несколько лет.

«Долгие годы бедствий сменились неожиданным счастьем, Печаль уступила место высшему предначертанию»⁴

Несмотря на возраст в пять десятков лет, Ши так и не обзавелся женой. Всю жизнь ему сопутствовали несчастья, из-за чего он никак не мог скопить денег на услуги сводни, на свадебные подарки и саму церемонию.

В молодости господин Ши много читал, изучал классические труды, даже сдал экзамены на низший ранг, получил назначение в архивы и пропал. Его сослуживцы быстро вырастали из этой должности. Некоторые сдавали следующие экзамены и поднимались вверх по карьере чиновника, некоторые оказывали мелкие услуги богачам, делали списки с важных документов за плату, а накопив приличную сумму, за взятку переходили на более хлебные места. Некоторые даже бросали государственную службу и нанимались работниками в знатные семьи.

⁴ Стихи взяты из книги «Неофициальная история конфуцианцев» Цзин-цзы У.

Ши Хэй был не таким. Он обожал копаться в архивных записях, зачитывался древними свитками, причем не литературными произведениями или стихами, а скучнейшими на первый взгляд вещами. Например, записями писарей с незначительных приемов, мелкими распоряжениями, порицаниями и прочими документами. Он любил думать о людях, про которых читал. Однажды он увлекся и написал небольшое повествование о чиновнике, жившем в Киньяне тридцать лет назад, причем биографию его Ши составил исключительно на основе архивных документов. Лишь жилище было описано после того, как Ши лично сходил и посмотрел на него.

Книжечку быстро раскупили, лавочники заказали еще сто штук у писарей. Впервые у Ши Хэя появилась на руках сумма, достаточная для свадьбы. Но не успел он дойти до сводни, как умерла его мать, и все средства ушли на достойные похороны.

Потом случился дворцовый переворот. После него пошли массовые чистки как среди чиновников, так и в других кругах. Впрочем, до архивных служек новый император так и не добрался.

Еще не сожгли трупы животных после нападения семи-хвостой, еще смердела земля, еще не убрали все военные постройки и сооружения, как Ши Хэя вызвали в императорский дворец, где молодая женщина в шляпе чиновника сообщила о присуждении ему более высокого чина и почетно-

го титула «мастер предшествующих знаний», а также поручила невероятно ответственную работу по написанию исторического труда.

Каждый год ему выдавали по сорок лян серебра сверх обычной платы. Ши Хэй согласился бы работать и без всякой платы.

Погруженный в исследования, господин Ши не замечал, как постепенно вокруг него менялся мир, как приходили и уходили чиновники, как перестраивалась столица. Все получаемые деньги Ши тратил на подарки разным людям, которые могли добавить хоть кроху знаний в его копилку. Иногда ляны уходили впустую, иногда давали столь ценную информацию, что мастер потом не мог уснуть, обдумывая новые главы своего повествования.

Несколько раз он приходил к той самой женщине-чиновнику, чтобы спросить, нужно ли очернять прежнего императора, выделять заслуги нынешнего и как описать Кун Веймина. Та холодно посмотрела на толстячка и сказала, чтобы он писал все, как есть.

– Ты не сможешь сделать белое черным, а черное белым, если будешь писать правду, – сказала она.

Хотя Ши Хэй потратил много времени на свой труд и уже зачитал некоторые его части императору, он все еще не был доволен. В доме повсюду лежали архивные документы, которые ему разрешили брать с собой, разрозненные записи, наброски по отдельным вопросам, схемы перемещения войск,

карты с торговыми маршрутами, таблицы с именами и должностями. Ли Ху он зачитывал только те места, которые, как ему казалось, больше всего интересовали императора, но поведать мастер мог гораздо больше.

– Ничего, – сказал господин Ши, глядя на бумажные завалы. – Вот закончу развлекать Сына Неба, продам браслет и куплю новый дом. Побольше. И женюсь. А потом допишу книгу.

С этими словами он поправил большую матерчатую сумку на плече и выдвинулся в сторону дворца.

На улицах былолюдно, как и всегда. Прыгали дети с мячом, ходили лоточники и продавали рисовые пирожки с курагой, рыбой, салом и ревенем, служанки с полными бамбуковыми корзинами возвращались с рынка, стражники в кожаных доспехах обливались потом. В паланкине пронесли какого-то чиновника, а рядом бежали его сопровождающие. Несколько раз мелькнули иноземцы в диковинных одеждах и странной формы шапках. Возле башни на коврике отбивал поклоны темнокожий гладко выбритый мужчина. Чуть поодаль расположились уличные актеры, они разыгрывали самую популярную нынче пьесу «Под семихвостой волной». Сначала люди не хотели вспоминать перенесенный ужас, но чем больше проходило времени, тем светлее казалось прошлое, и вот появились не только трагические, но и комические пьесы на эту тему. Детишки, рожденные после волны, визжали от восторга, когда глупую жадную лису с семьей хво-

стами избивали трое спасителей. Один в высокой шапке с рядами бусин – император Ли Ху, вторая – худенькая и красивая девушка с поясом из кристаллов – глава министерства магических изысканий Ван Мэй, и третий – самый любимый персонаж – юноша с громовым копьём, безымянный герой, посланец Небес.

Среди молодых девушек наибольшую популярность приобрел роман «Под веткой ивы», в котором описывалась невероятная любовь между безымянным героем и Ван Мэй, но в итоге им пришлось расстаться. Герой снова вознесся на Небеса, а Ван Мэй поклялась, что никогда не выйдет замуж. Иначе почему она до сих пор не выбрала мужа?

Откуда появился такой интерес к событиям десятилетней давности, Ши Хэй не знал точно, но догадывался. Пошли шепотки, что прежний император был не так уж плох. Ведь Ли Ху, когда только вошел на трон, действовал очень резко, даже безжалостно. Уж Ши Хэй-то хорошо знал об этом. Остались члены пострадавших кланов, тысячи чиновников были с позором выгнаны с государственной службы, многие подверглись суду. Конечно, такой император был им не угоден!

Вот и повсплывали слухи о происхождении Ли Ху, о его прошлом, о том, как он был объявлен преступником. Но ушлые синшидайцы не бросились запрещать такие разговоры и кидать уличных болтунов в ямыни⁵. Они поступили хитрее.

⁵ Ямынь – государственное учреждение, которое совмещало в себе тюрьму, суд, пыточную.

Внезапно на площадях Киньяна зазвучали незамысловатые веселые песенки, в которых говорилось о простом деревенском пареньке, который с рождения был отмечен небом. В книжных лавках вдруг появились и душещипательные романы про любовь, и героические повести, и трагические повествования, и во всех них главными героями были синшидайцы. Появилась даже история Цянь Жи, известной в народе как «бешеная сука», и после этого отношение к ней резко улучшилось. Актеры повсюду разыгрывали разные пьесы на эту тему. Даже для детей были придуманы смешные сценки с куклами. Авторитет императора Ли Ху взлетел до тех самых Небес, которые он некогда грозился перевернуть.

Ши Хэй добрался до бокового входа в императорский дворец, в сотый раз коснулся амулета, который позволял ему пройти через многослойные магические защиты, показал именную табличку стражникам, затем позволил взять каплю крови для сверки с образцом, который хранился у охранного мага. После всех этих мытарств его принял незнакомый молодой евнух и повел вглубь территории.

Пожалуй, больше всего Ши Хэю не нравилось именно это – идти молча то по широким площадям, то по узеньким коридорчикам, то по резным ярким мостам. Солнце слепило глаза и напекало макушку даже через плотную материю шапки. И никакой тени. Никаких деревьев. Все сады находились во внутреннем дворе, чтобы там могли свободно гулять наложницы императора и его дети. Некоторым счастливым

повелитель мог даровать право проехать от внешних ворот до места встречи на лупоглазе, осле или в паланкине, но Ши Хэй был недостаточно важной птицей. Уж Джин Мэйху точно ноги не сбивает!

Евнух шел вроде бы неторопливо, но мастер предшествующих знаний еле за ним поспевал. Они прошли то строение, в котором находилась комната умственного отдохновения, прошли еще несколько зданий. Сумка со свитками оттянула плечо. И почему евнух не предложил помочь? Все-таки Ши Хэй в два раза старше и заслуживает уважения!

Дошли до внутренних ворот. И только тут господин Ши осмелился спросить, уж не ошибся ли евнух, не сбился ли с дороги? Разве может он, всего лишь незначительный чиновник мелкого ранга, ступать во внутренний двор? Евнух не ответил, лишь протянул табличку стражникам, и их пропустили.

Они прошли по узенькому крытому коридорчику, отгороженному от пышных цветников и прохладных прудов с карпами лишь резным заборчиком высотой по пояс, затем мощеной тропинкой, и внезапно для господина Ши оказались возле просторной террасы.

Евнух поклонился и указал изящным жестом на террасу.
– Сегодня повелитель десяти тысяч лет желает вас принять здесь. Устраивайтесь.

Ши Хэй стер проступивший пот со лба и щек, ступил под высоко поднятую изогнутую крышу и сразу почувствовал

облегчение. Воздух здесь был прохладен из-за ручья, бегущего по желобу прямо через террасу, ветер доносил ароматы распутившихся неподалеку пионов. Уже были разложены подушки и низкие столики. Стен не было, крыша держалась на столбах в виде змей, танцующих на хвостах, и ничто не мешало любоваться великолепным видом на цветы.

Чиновник отдохнул пару минут, а затем вытащил свитки, разложил их по порядку, развернул первый и еще раз пробежался по знакомым столбцам иероглифов, мысленно отмечая, что нужно сказать обязательно, а что можно и пропустить.

Первой подошла Ван Мэй, побледневшая от усталости. В этот раз она не стала дожидаться прихода императора и медленно опустилась на одну из подушек. Ши Хэй хотел было поприветствовать ее, но увидел, что она прикрыла глаза, и промолчал. Пришел Цянь Ян, как никогда напоминающий старинного героя. Пришли еще несколько синшидайцев в одеждах, говоривших об их высоком ранге несмотря на неприлично юный возраст. Они перебрасывались незначительными фразами о погоде и стихах некоего Куана Чжао. Ши Хэй сидел ни жив ни мертв и старался дышать через одну ноздрю⁶.

Спустя несколько минут на террасу влетел Джин Мэйху, затмевающий своим ярким нарядом даже цветы вокруг. Он

⁶ Дышать через одну ноздрю – стараться быть незаметным. Выражение придумано автором.

стесняться не стал, всех громко поприветствовал, с каждым перекинулся парой слов, плюхнулся на подушку, расправив полы и разложив длинные рукава, шумно вдохнул и сказал:

– До чего красиво цветут пионы! Сын Неба неплохо придумал собраться здесь.

Только сейчас Ши Хэй понял, что попал не просто на очередную читку, а на значительное событие – любование цветущими пионами. Многие горожане в эти дни приглашают друзей и родных, покупают вино, жареную курицу, и неторопливо ведут беседы, сочиняют стихи, обсуждают книги, глядя на пышные бутоны. Сам господин Ши ни разу не участвовал в подобных приемах, и надо же – попал сразу к императору.

Неподалеку слышалась негромкая музыка. И из бамбуковой рощицы показался император вместе с Цянь Жи. Сегодня он был не в официальной одежде, никакой тяжелой тунтянь-гуань, никаких толстых блестящих халатов, лишь простое шелковое одеяние с подвернутыми рукавами, узел волос на макушке и, Ши Хэй не поверил своим глазам, босые ступни.

Ли Ху поднялся на террасу, сел на лучшее место.

– Сегодня утром наложница сказала мне, что в саду распустились великолепные пионы, и я счел возможным устроить сегодня дружеский прием, чтобы любоваться цветением, наслаждаться ароматами и хорошим вином вместе с близкими людьми. Только развлечение я приготовил необычное. Сего-

дня не будет танцовщиц или декламаторов стихов, даже актеры с акробатами не придут. Мы послушаем вот этого господина, который вот уже десять лет трудится над описанием тяжелых времен в стране Коронованного Журавля. Что-то будет слушать тяжело, что-то неприятно, а что-то будет выглядеть не так, как вы помните. Поэтому прошу отложить возражения и споры, мы успеем выслушать ваше мнение. Но сначала – прошу угощаться.

Император хлопнул в ладоши. Ши Хэй вытянул шею, высматривая хорошеньких служанок с подносами, но никого не было видно. И вдруг Цянь Джи протянула руку и выхватила что-то из ручья. Мастер предшествующих знаний присмотрелся и увидел, что блюда и напитки на террасу прибывают по руслу ручья на деревянных подносах. Каждый брал, что хотел, и ставил на столик перед собой. Когда у всех в руках оказались полные вина чаши, император поднял свою и сказал:

– Давайте выпьем за эти прекрасные цветы, что улаживают наш взор.

Ши Хэй растерялся. Его столик сплошь был завален свитками, и двигать их уже не представлялось никакой возможности. Но не выпить вместе с императором – это верх невежливости. И тут Джин Мэйху протянул ему чашку с вином, вторая была у него в другой руке. Мастер взял вино и с поклоном выпил. Такого сладкого и нежного вкуса он еще не пробовал.

– В прошлый раз мы остановились на встрече императора Чжи Гун-ди с торговцами, – пояснила для всех Ван Мэй. – И юный Джин Мэйху выступил перед всеми.

– Как и всегда. Как и всегда, – со смехом добавил Мэйху.

– Ну что же. Вам слово, – кивнула Ван Мэй.

Ши Хэй торопливо проглотил последние капли вина, взял свиток и начал читать.

«Император Чжи Гун-ди приказал торговцам продолжать пир и чувствовать себя свободно, при этом дворцовым стражникам было сказано никого не выпускать. Сам же пригласил отца и сына Джин пройти в отдельные покои.

– Я высоко ценю труды „Золотого неба“. Кроме того, в столь тяжелые времена товары именно вашего дома наиболее важны. Потому я согласился принять вас лично и готов внимательно выслушать ваши мысли.

Джин Фу мягко склонился перед правителем и сказал:

– Торговый дом „Золотое небо“, хоть и молод по сравнению с другими крупнейшими домами, но его основатель, мой отец, всегда сердцем горел за свою страну. Даже находясь на пороге смерти, он переживает за судьбу Коронованного Журавля, потому я, как почтительный сын, не могу остаться в стороне.

Торговец провел ладонью по вспотевшей лысине и продолжил:

– Как заметил премудрый Сын Неба, товары именно „Золотого неба“ сейчас важнее всего. Но мы можем предло-

жить гораздо больше. Все зависит от благосклонности вашего императорского величества.

Чжи Гун-ди кивнул, приказывая продолжать.

— Для начала мы продолжим поставки оружия в том количестве, какое потребуется Сыну Неба, и по тем же ценам, что и прежде. Прямо сейчас на наших складах хранится две тысячи копий, тысяча луков, пятьсот мечей и двадцать тысяч стрел. Каждые полгода вплоть до прихода лисы мы готовы поставлять такое же количество с отсрочкой платежа в полгода. То есть вы оплачиваете предыдущую поставку и после этого получаете новую. Последний платеж можно отложить на год.

— Это неплохое предложение, — отметил император. — Лучшие, чем слова других домов. И что вы хотите получить в благодарность?

— Если Сын Неба выберет этот вариант, то нам достаточно знать, что вы будете помнить этих низкородных торговцев и название их незначительного торгового дома. Но у нас есть и второе предложение. Премудрый правитель, возможно, сохранил в памяти тот счастливый день, когда передал во владение „Золотому небу“ один район провинциального города „Цай Хонг Ши“, который мы без помощи чиновников и армии сумели защитить от двуххвостой лисы.

Император снова кивнул.

— Там благодаря одному талантливому человеку мы создали школу, где готовим людей как охранников каравана.

Обучаем их знанию леса, равнин, показываем, как сражаться с теми или иными зверями. Там преподают опытные воины, которые уже сталкивались с волной животных. А еще „Золотое небо“ путем многолетних разработок сделали новый тип амулетов, который неплохо себя показал именно в сражениях с дикими зверями. Если Сын Неба примет второе предложение, то мы готовы обучить как солдат из уже существующих армий, так и новобранцев, и снабдить их подходящим оружием и амулетами. Обучение бесплатно, оружие и амулеты по прежним ценам, только снабжение людей едой и прочими припасами – за счет государства. Тут есть дополнительная выгода, прошу прощения за столь низменные слова: Цай Хонг Ши – южный город, в котором собирают богатые урожаи и выращивают много скота, он сможет прокормить ваших солдат без затрат на доставку продовольствия.

– И если я выберу второй вариант...

– Тогда „Золотое небо“ получит возможность организовывать подобные базы в каждом крупном городе стране. Разумеется, не сейчас, а после того, как бедствие будет отражено.

– В том числе и в Киньяне?

– Не обязательно в самом Киньяне. Мы довольствуемся любым местом в пределах патрулирования.

Император задумался. Торговый дом получит земли по всей стране, к тому же самые выгодные, внутри или возле

городов, увеличит количество своих служащих. Получится, что вся страна будет испятнана территориями, где править будут не государственные чиновники, а низкородные торговцы. С другой стороны, можно после победы над лисой отказаться от выполнения договора под каким-либо предлогом. Это всего лишь один торговый дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.